

И.А. КРЫЦИН

ОКРАИНЫ МОСКВЫ

ISBN 978-5-4211-0151-2

9 785421 101512

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии РАН

И.А. КРЫЦИН

ОКРАИНЫ МОСКВЫ

(повесть Ивана Крыцина)

**МОСКВА
2015**

УДК 392
ББК 63.3(0)61+ 63.3(0)62
К85

Крыцин И.А. Окраины Москвы (повесть Ивана Крыцина). Малая серия: «Этнографический источник» / отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2015. – 137 с.

ISBN 978-5-4211-0151-2

Этот рукописный блокнот был передан директору Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкову инженером-водителем института А.А. Кирсановым. Блокнот достался ему от умершего деда Ивана Крыцина. Автор блокнота прошел трудный жизненный путь, включая работу на заводе подростком в годы войны, службу в Советской Армии и даже пребывание в местах лишения свободы. И.А. Крыцин написал только первую часть своей повести о жизни, но в ней много важных и интересных деталей о быте и нравах жителей московских окраин (Коломенское, Чертаново, ВДНХ, Бирюлево, Царицыно) накануне и в годы Великой Отечественной войны. Дневник публикуется в авторском варианте с сохранением грамматических ошибок и стилистических огрехов, но это дает представление об языке того времени, когда писалась эта повесть, не только об уровне грамотности ее автора. Книга представляет собой прежде всего этнографический источник по теме советской повседневности 1940–1950-х годов.

УДК 392
ББК 63.3(0)61+ 63.3(0)62

ISBN 978-5-4211-0151-2 © Институт этнологии и антропологии РАН
© И.А. Крыцин
© А.А. Кирсанов

Малая серия: «Этнографический источник»

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	6
ВСТУПЛЕНИЕ	10
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	38
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	53
ГЛАВА 6	60
ГЛАВА 7	68
ГЛАВА 8	83
ГЛАВА 9	87
ГЛАВА 10	93
ГЛАВА 11	106
ВЫВОД И ПОЯСНЕНИЕ	120
ПРИЛОЖЕНИЕ	122

И.А. Крыцин

Эпиграф
Тебе мой ..., я книгу доверяю,
Храни её как в память обо мне.
Где каждый лист и каждая страница,
Тебе расскажет о пройденном пути.
Года прошли и молодость увяла,
Ко мне пришли преклонные лета.
И вновь как прежде книгу открывая,
Перед тобой вдруг появляюсь я.
С её страниц к тебе я обращаюсь,
Мой меньший друг любимый...
Прочти её и вывод себе сделай,
Где был я прав и в чем-то виноват
(соб.соч.)

ОТ АВТОРА

Один видный деятель нашего времени выразился так:
«Если у собаки вычесать всех блох, то она сдохнет от скуки...»

Мысль написать в тетради свои воспоминания, родилась для меня как-то неожиданно, когда я находился в одной из больниц города Боровска Пермской области, о которой я по порядку расскажу в одной из глав своей повести.

Находясь в больнице, живя в палате из семи коек и пролеживая себе бока на обыкновенной панцирной койке с наброшенным сверху ватным матрацем, уставясь в чисто белый, к маю выкрашенный потолок, а в таких случаях хорошо мечтается, и непрошенные мысли сами собой лезут в голову ... «...Как лезут к падали лесные муравьи...»

Эти мысли были о пройденном жизненном пути, который был не из радостных солнечных дней, а весь этот путь проходил через шипы и колючки, которые впились в мое еще детское сердце и неизбежно преследующие до сих пор когда пишутся эти строки.

В своей повести я начну рассказ с мальчишки еще двухлетнего возраста, чья жизнь началась в одной из глухих деревень того времени богатой своими черноземными и плодородными полями Орловщины.

В повести встречается очень много людей, с которыми я жил, дружил и встречался, некоторые ихние имена я решил изменить, сделал вымышленными. Во времени действий событий я мог ошибиться на год-два не более.

Изобразить и охарактеризовать человека, дать его полный образ и показать душевную красоту я не мог, так как я не оканчивал института, или каких-либо подготовительных писательских курсов. У меня всего пять классов образования и на сей день забыл даже правила фонетики и орфографии русского языка. Ну, я надеюсь, читатель, ты не будешь так придирчив и строг, и извинишь меня, если хоть один раз не обнаружишь какого-либо знака препинания на нужном месте в предложении.

Читать книгу надо не спеша, медленно, так, если бы ты сам рассказывал другому человеку, по крохам собирая в голове свои воспоминания. Ведь каждый поэт и писатель пишет своим жанром, а у меня свой, потому прошу придерживаться ему – и все будет понятно.

Ты спросишь, почему я выбрал такую обложку с рисунком – три цветка и глаза полные слез. Это как бы символ пройденных трех этапов жизненного пути, оплакиваемых слезами моей родной матери, которая из-за нас, детей, перенесла так много оскорблений, унижений и неприятностей со стороны невожатого и жестокого мужа (нашего отца), а после его трагической гибели, мы, уже не дети, из года в год затуманиваем ей голову и делаем боль её сердцу своими необдуманными, дурными поступками, и никак мы не можем отплатить матери добром за её материнскую любовь и ласку, отданную нам, чтобы нас, детей, она ви-

дела в своих глазах не темными, сбившимися с жизненной дороги, а с гордостью идущими семимильными шагами по широкой столбовой дороге, и в трудную минуту смогли бы её поддержать и придти ей на помощь. Чтобы она под старость лет могла быть спокойна за нас, и могла бы уверенно сказать любому и каждому: «Да! Наконец-то взошло солнце и для моего материнского сердца!»

Своей матери я мало уделяю места в своей повести, так как жизнь и проделанная работа по уходу и воспитанию девятирех детей само собою говорит за то, что её труд был не из легких, и этот труд не легко учесть.

Скучной книгой назвал лишь потому, что она действительно скучная и состоит из двух разделов «Моя жизнь» или «Позднее признание». Эта книга – не художественная, а всего только документальная повесть, состоящая из сплошных эпизодов и приключений, но, читатель, надеюсь, тебе понравится, а если нет, то отложи её в сторону и никому не показывай.

Я расскажу в ней о моем детстве. О грозных днях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, о трудовых буднях на производстве. Я расскажу тебе о первой любви и службе на Советско-турецкой границе. А затем о неудачном браке с женщиной узкого кругозора и карьеристкой Деминой Анной Павловной. Как, благодаря ее усилиям, я стал жертвой на скамье подсудимых, а затем в исправительно-трудовых лагерях.

Я расскажу в ней о своей жизни и работе за высоким забором и колючей проволокой, где я по-настоящему понял жизнь и полюбил свободу. Где я как никогда в свободное от работы время со страстью пожирал глазами библиотечные книги и впервые полюбил стихи, а потом и сам начал сочинять, правда, не всегда удачные, и некоторые из них ты найдешь в этой книге рядом со стихами Сергея Есенина и других поэтов.

Я расскажу в ней о настоящих замечательных людях, чьи сердца как барометр, также чутки к судьбе другого человека и готовы с ним всегда делить зной пустынь и холод Арктики, и вдруг нахлынувшее горе и неожиданную радость. И о людях пошлых, нерадивых, которым свои личные интересы в погоне за богатством и личной хоть бы мизерной корысти затмили глаза и одурманили голову перед судьбой другого человека, попавшего в беду, и если кто чувствует за собой какую то вину в вышеупомянутом и попадетсЯ эта тетрадь в руки, то не читай дальше, а отложи в сторону её, а прочтёшь – не обессудь и не сетуй! Ибо я в ней расскажу всю истину и правду, так, как мне подсказывает моя совесть.

Я всю жизнь был честным и справедливым человеком, и, составляя повести, не потерял своей традиции, зная, что моя совесть перед людьми и государством также чиста и прозрачна, как капля утренней росы, которая, как я замечаю, начинает испаряться и превращаться в невидимое облачко, улетаЯ ввысь, а я, оставаясь в этом мире, на этой земле, перестаю верить в людей за их ложь, клевету и обман.

ВСТУПЛЕНИЕ

Тридцать с лишним лет назад в одной из деревень Орловщины, в роду стариков Бухтеяровых Андрея Петровича и Ольги Евдокимовны, у ихней единственной двадцатилетней дочери Феодосии родился мальчик. Эта деревня была как и все обыкновенные деревни, ничем не отличающаяся от других деревень. Те же бревенчатые избы, крыши которых покрыты давным-давно светло-золотистой ржаной соломой, со временем потерявшей свой первоначальный вид, сделавшись серой.

Из соломы как раз по середине крыши высывались трубы, составляющие как бы одно целое с русской печью, в которой пекли хлеб, стояли чугуны и махотки с упревающими в них щами и гречневой кашей. Пекли в ней вкусные душистые блины, ибо во время описанных здесь событий в деревне отмечался престольный праздник широкой масленицы.

На дворе стоял февраль с резким солнцем, блещущим на снегу; мохнатые заиндевелые деревья, сверкая голубоватой белизной, вставали среди сугробов безжизненно прекрасные, точно выгравированные, и печной дым поднимался над крышами, рисуясь в легкой морозной мгле прямыми, чуть лиловеющими полосами.

Печь у Бухтеяровых в этот день топилась особенно жарко, так как на печи лежала больная их дочь Феня, вокруг которой увивались бабки-повитухи, они готовили разные целебные лекарства из трав и прикладывали всевозможные примочки на тело больной, отчего тело размягчалось и больной делалось лучше.

Она слышала крик новорожденного, доносившийся откуда-то снизу, и хотела встать, превозмогая боль в пояснице, но ее не пускали. А ребенок в это время с помощью бабуш-

ки Ольги обмытый в теплой прозрачной воде, обернутый в пеленки и ватное одеяло, лежал на руках у бабушки и кричал также, как и все новорожденные, будто радуясь тому, что появился на свет и хотел сказать на удивление всем: а вот и я! Вот и я!

Мальчик был как и все мальчики, для бабушки даже особенный. У него было красное личико, вздернутый курносый носик и на голове пушок редких волос.

Устав кричать и перестав ворочаться, он заснул, его бабушка положила в зыбку, привязанную к потолку, и накрыла чистой холщевой простынею от надоедливых мух, и падающего через окна с улицы света. Затем взяла ухват, открыла заслонку печи и принялась вынимать из нее горшки и чугуны, так как время подходило к обеду.

Одна за другой к столу спустились старушки и, перекрестясь на дальний угол с образами, принялись за трапезу, время от времени прерывая обед, поглядывая на зыбку. Они вели между собой разговор о ребенке, спрашивая бабушку Ольгу, как его назовут, когда будут крестины. И задавали вопрос, как бы самих себя спрашивая, и здесь же на него отвечая – счастлив ли он будет? И светла ли будет его жизнь, или эта жизнь будет проходить в сплошных потемках? Об этом конечно никто ничего не знал, так как человеческая судьба идет рядом с человеком и управляет им.

И старушкам, окончившим обед, только что и оставалось – пожелать новорожденному счастья и долгих лет жизни, а его матери скорого выздоровления. Они низко раскланялись, не забыв отблагодарить бабушку Ольгу за обед, а бабушка – их за оказанную помощь больной, вышли на улицу, из хаты на них дохнул сильный февральский мороз, от которого захватывает дух и пробирает до костей старого человека, и в тоже время делает подвижней и подымает на смех детвору с раскрасневшимися, улыбающи-

мися, потными лицами, катающихся на санях и санках с крутой деревенской горы. И сколько радости и веселья чувствовал каждый из них в этот день настоящей широкой масленицы, которая и по сей день не забыта и отмечается русским народом, как большой праздник белоснежной зимы и мороза.

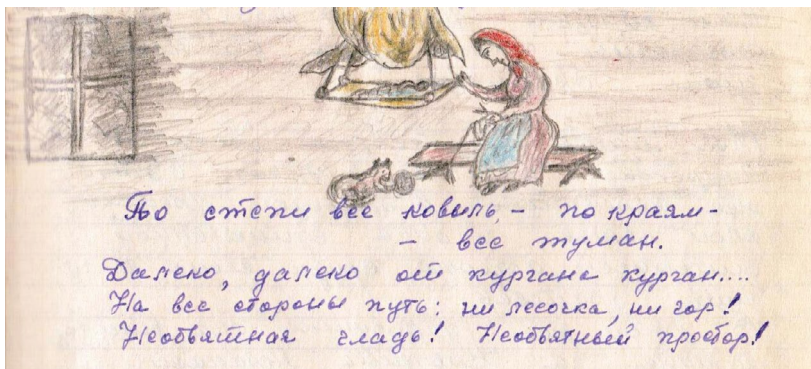
По степи все ковыль, — по краям —

— все туман.

Далеко, далеко от кургана курган...

На все стороны путь; ни лесочка, ни гор!

Необъятная гладь! Необъятный простор!

По степи все ковыль, — по краям —
— все туман.

Далеко, далеко от кургана курган...

На все стороны путь; ни лесочка, ни гор!

Необъятная гладь! Необъятный простор!

ГЛАВА 1

1.

Родился я в 1931 году, месяца и числа точного никто не знает. Моя бабушка и мать говорят что на масленицу, так и сейчас в моих документах записана дата 12 февраля 1931 года, в Орловской области Тербунского района Покровского с/совета, в небольшой деревушке Дубовцы.

Я не знаю, откуда произошло это название, ибо в мое детство там не было никаких признаков того, что здесь когда-то росли крепкие могучие дубы. Сейчас смутно помню – деревня расположена на большом взгорье, от которого по крутому склону вниз к реке ведет дорога в район, а кругом, насколько хватает глаз, необозримые поля пшеницы, льна и проса без признаков леса или какогонибудь кустарника, за исключением трех одиноко стоящих ив примерно в одном километре от деревни, неизвестно каким образом кем и когда посаженных среди поля на небольшом бруствере.

Моя мать Бухтеярова Феодосия Андреевна родилась в 1911 году в этой же деревушке в большой крестьянской семье и была единственной старшей дочерью среди своих младших братьев. В этой же деревушке она вышла замуж за Крыцина Афанасия, моего покойного отца, которого я не помню, ибо мне в ту пору было около трех лет, когда он умер от тифа в больнице работая на одной из шахт Донбасса. В те 30-е годы нужда заставляла мужчин бросать свой дом, семью и хозяйство; а самим идти на заработки в города на производство.

Вскоре после смерти отца мать вышла снова замуж за ... Степана Лазоревича 1889 года рождения в село Галицкое примерно в 7 км от Дубовца. У отчима тоже умерла жена, и остались двое ребятешек – Алексей 7 лет и 9 лет Маруся. У нового отца был хороший дом, изо всей деревни выделялся сад, все хозяйство приведено в полный порядок, потому что отец был не бездельник, а настоящий крестьянин-работяга, что я узнал в последующие годы жизни.

2.

Спроси своих товарищей, с каких лет помнят они себя, и один вам скажет, что с пяти, другой – с шести, третий с восьмью, а четвертый вдруг объявит, что с трех лет. В это трудно поверить, но такое бывает со многими. Весьма возможно, что человек не вспомнит, что было с ним в семь, восемь и даже в десять лет, но он хорошо запомнил то, что случилось с ним или с близкими для него людьми, когда самому ему было не более трех лет.

Я себя помню примерно с 2 с половиной лет, а именно, бывши еще маленьким и многого еще не понимая, а в таком возрасте всегда нравишься детям постарше себя, тем более девочкам, которые брали меня с собой гулять. И гуляя с ними по зеленым лугам недалеко от дворов, я, видя цветную обретенную завязку с ноги какой-либо женщины, или валяющийся лоскуток цветной материи, поднимал их с травы, в тот час же слышался окрик девчонок: «Брось его! Он в коросте! (заразный)». Я слушался и бросал, а если нет, то вырывали из моих рук и после долго вытирали мне руки о лопухи и другие травы. Затем одна за другой отрывали лепесток травы и принимались катать его между ладоней, а в последствии пропускали этот мятый стебелек между торцом указательного пальца и ногтем большого, на ногте оставалась выжатая из травинки зеленовато-белая масса, которую они называли молоком.

Любили они и пошутить надо мной, влезали на дерево, а я ходил вокруг него, поднимал то одну ногу, то другую, но залезть не мог. Они подымали меня на смех, а я пускался в слезы. Пока какая-нибудь из них не слезет и не посадит на низко висящий сук, отчего глядя вниз было боязно и радостно на душе.

Те шесть лет, проведенные мною в деревне наверное прошли в зимние время большей частью в избе на печке. Моя бабка, Ольга Евдокимовна, была верующей женщиной, а поэтому и хорошей учительницей по наставлению меня молитвам, учила как правильно креститься, и я как сейчас помню начинал подносить левую руку ко лбу, как она тут же меня останавливала, указывая на правую. И я думаю сейчас ей со мной тогда легче было коротать дни и ночи зимнего времени. Еще бабка по-видимому боялась за меня, так как я был первенцем у ее дочери, не пускала на улицу, чтоб не простыл, не ушибся и что-нибудь не натворил, тем более, если кто-нибудь из семьи (а она была большая) видел плохой и нехороший сон, что и служило причиной моего сидения в избе. Меня пугали волками и цыганами, которых, как сейчас вспоминаю, я боялся больше, чем волков, не знаю почему, в ту пору я ни разу не видел у себя в деревне ни одного цыгана или же ему подобного.

По рассказам матери, когда мне было около двух лет, она взяла меня с собой на речку полоскать белье. День выдался жаркий, кругом стояла беспредельная духота, а с речки дул свежий, легкий ветерок.

Придя на берег, при помощи матери я снял с себя единственную на мне одетую рубашку, (иной одежды в таком возрасте в деревне не было) и стал мыть себе ноги, а мать занялась полосканием, на минуту забыв обо мне.

Какое же её было удивление и страх, когда она оглянулась и не увидала меня на том месте, где я только что стоял. Перед ее глазами были лишь одни пустые речные берега да галь-

ка. Она стала бегать по берегу и внимательно вглядываться в сквозь речную воду в песчаное дно реки. И вдруг заметила, что я лежу на дне кверху спиной, в ту же секунду она бросилась за мной, и вытащив, привела в чувство.

Мать

1

Тяжелое детство мне пало на долю,
Из прихоти взятой чужою семьей,
По темным углам я наплакался вволю,
Изведав всю тяжесть подачки людской
Меня окружало довольство, лишений
Не знал я, — за то и любовь я не знал,
И в тихие ночи тревожных молений
Никто над кроватью моей не шептал.
Я рос одиноко, я рос позабытым,
Пугливым ребенком, угрюмый, больной.
С умом, не по-детски печально развитым,
И чуткой, болезненно чуткой душой.
И стали слетать ко мне светлые грезы,
И стали мне дивные речи шептать,
И детские слезы, безвинные слезы,
С ресниц моих тихо крылами свевать!

2

Ночь, в комнате душно, сквозь шторы струится
Таинственный свет серебристой луны...
Я глубже стараюсь в подушку зарыться,
А сны на домной, уж заветные сны!
Чу! Шорох шагов и шумящего платья,
Кольцом обвилились вокруг шеи моей.

3

«Ты здесь, ты со мной, о, моя дорогая!
О, милая мама... Ты снова пришла!
Споешь ли ты снова как в блеске лучей

И в синих струях фимиама святого
Там носятся тени безгрешных людей?
Как ангелы в полночь на Землю слетают
И ходят вокруг поселений людских,
И чистые слезы молитв собирают,
И низут жемчужные слезы на них?
Сегодня родная я я стою награды,
Сегодня, — о как ненавижу я их! —
Опять они сердце мое без пощады
Измучили злобой насмешек своих...
Скорей же, скорей!...

4

И под тихие ласки,
Овеян блаженством нахлынувших грез,
Я сладко смыкал утомленные глазки
Прильнувши к подушке, намокшей от слез.

(Сем. Надсон)

3.

Детские годы с новым братом и сестрой проходили без скандалов и драк. Я не помню такого случая, чтобы между нами произошел серьезный спор, по-видимому уважали друг друга, и жили в мире и дружбе, и таких разговоров как мой отец, или моя мать не было слышно.

Мать, иногда вернувшись после рабочего дня с поля, приносила в узелке кусок черствого хлеба, оставшегося от обеда, или что-нибудь из овощей со своего огорода, и, подавая мне, говорила: «Это тебе прислала лисичка!» Я осторожно кусал затвердевший хлеб и хрустел зеленым огурцом или вылущивал семечки из принесенного ею подсолнуха. Я приставал к ней с вопросами: «А где ты видела лисичку?» Она отвечала: «Да вон там в поле... Приходила нам помогать снопы вязать, и принесла тебе гостинец, и обещалась еще придти». Я с аппетитом поедал все то, что было при-

слано лисой, в надежде что завтра она пришлет еще. И до чего же в то время были вкусны лисичкины гостинцы.

Какие же еще эпизоды мне помнятся больше всего из моей детской деревенской жизни?

Это как однажды в летний погожий день в нашем селе с церкви снимали колокола. Очень много было народу, который, по-видимому, собрался в этот день со всей округи.

При падении очередного колокола старухи плакали навзрыд, безумно крестились. А мужики в лаптишках стояли с обнаженными шапками, время от времени смахивая со лба пот, да порой матюкаясь на лошадей, запряженных в повозки и снующих взад вперед, медленно пробираясь сквозь толпу к очередному сброшенному с колокольни колоколу, чтобы погрузить его на телегу и увезти куда-то на завод, на переплавку. А что из себя представлял завод я еще не знал, был слишком мал.

В нашей деревне так было заведено, что для просушки и дозревания, в конце лета к потолку подвешивали зеленые и желтые, как детские шары, кабачки и тыкву.

Однажды во время обеда тыква, висящая над дедом (отчима – отец), оборвалась и, стукнувшись об его лысину, разлетелась на куски. Это нам, ребятишкам, дало повод для смеха, а деду – черта с кочергой, он тут же с половником в руках бросился на нас, а нас как ветром сдуло. Мы молниеносно выскочили все трое на улицу, продолжая смеяться над этим очень комичным случаем.

Был и еще случай, но только противоположный первому:

Как-то в вечернее время, кто-то из старших ребят разрезал тыкву пополам, вычистил всю внутренность вместе с семечками, прорезал в кожуре отверстия в форме глаз, рта, носа, и, когда совершенно стемнело, вставили в нее зажженную свечку, а затем укрепили на яблоне, а меня как самого меньшего послали принести с этой яблони яблок.

Я, довольный таким поручением, и не знавший этой шут-

ки, с разбегу из-за поворота выскочил на это самое пугало...

Но здесь дорогой читатель тебе самому ясно, что я пережил в это мгновение, и как от страха чуть было не умер. После чего бабка Ольга долго отливала меня воском с ворожкой и разными, одной ей ведомыми, заклинаниями.

Как нам ни жилось, но было лихое время. Это время коллективизации, в сельских местностях организовывались колхозы. Многие не понимали нового строя, вступающего в деревне, не хотели мириться с ним и, бросив все, уходили в города. Так же и отец вынужден был оставить дом и уехать в Донбасс, а затем в Новую Москву (Сталиногорск), а в дальнейшем перебрался в Москву, куда со временем затребовал и нас.

Мать бросила все, что оставалось еще в хозяйстве, и в 1936 году мы отправились на станцию Долгоруково Павелецкой железной дороги, что находится в 20 км от деревни, чтобы сесть на первый скорый поезд держащий путь в столицу.

Дорога была тряской, утомляющей, ну и в ту же пору радостной, ибо я строил особое представление о городе. Как будто он находится вон там, за горизонтом, на краю земли, за пшеничным полем.

Но это было мальчишеское представление о вселенной, и сколько бы мы ни ехали, дорога уходила назад с такой же скоростью, с какой шла лошадь, впряженная в бричку, а горизонт с каждым шагом уходил все дальше вперед.

При спуске с Дубовицкой горы пришлось слезть с брички и спускаться пешком, а возчик в ту пору укрепил цепями задние колеса у телеги, чтобы они не крутились и исполняли роль тормоза при спуске. Остальная часть пути лежала среди безбрежных цвета золота полей и зеленых лугов, да иногда одинокими деревьями вешками.

Вот такой дорогой и доехали до кирпичного здания вокзала, палисадник которого был обнесен чугунной решеткой, и сразу же за палисадником – базар, коновязь и ряды с навесами.

Народу уже съехалось порядочно. Тарахтели, груженные молочными бидонами возы, голуби бродили в развалку, мыкала, бляла и кудахтала всякая живность.

До прибытия поезда оставалось несколько часов, но с непривычки к окружающим вещам: стальным путям, вагонам, стоящим на них и черного как жук, отдающего смолой, шипящего паровоза, все было очень занятно и интересно, время прошло не заметно. И вдруг, как-то неожиданно, к станции на большой скорости подкатил состав, машинист, видя скопление народа, нажал на гудок, и сила пара стальной машины неожиданно резанула по ушам, да так сильно, что я без памяти рванулся с места прочь с зажатыми ушами. Это было мое первое настоящее, я бы сказал, не из приятных, знакомств с паровозом.

Когда поезд остановился у перрона и началась посадка, я с тревогой и волнением входил в вагон, а когда поезд тронулся с места, с каждой минутой набирая скорость, радости не было предела. Я, как говорят, был на седьмом небе.

У меня очень хорошо сохранилось в памяти то место, когда подъезжали к Москве во второй половине темной ночи. Вглядываясь в окошко, я увидел тысячи блестящих огней, которые принял за небесные светила, звезды, и сколько мне мать не объясняла, я не мог понять, что это за лампочки и почему горят.

На вокзале нас никто не встречал. Мы пересели в пригородный поезд, и ранним утром вышли из вагона на станции Коломенское. Эта станция отличалась своим видом от настоящего низким перегоном, незначительным числом железнодорожных путей, погрузочно-разгрузочной товарной платформой с пакгаузом, да штук пять семафоров, к которым тянулись по низеньким столбцам с колесиками провода, издававшие переливчатую мелодию при подъеме и опускании семафора.

По обеим сторонам путей для снегозадержания полосой тянулись в три ряда елочки, за которыми проходило Варшавское шоссе и открывалось голое поле.

Лишь один вокзал старинной конструкции был виден издалека, да стоящая с ним рядом пивная палатка, куда я впоследствии со своими сверстниками ходил собирать металлические пробки от бутылок и бумажные фантики от конфет.

(Конец первой главы)

ГЛАВА 2

1.

В километре от станции около железнодорожной насыпи примостились два развалившихся барака, служившие в прошлом как конюшни для грабарских лошадей, работающих на строительстве московского рыбообрабатывающего комбината.

В этих же бараках жили возчики-хохлы.

Рядом с баракom у железнодорожных путей было два переезда, по близости от одного из них находилась будка и дом с огородом и садом путевого мастера Птичкина.

Рядом с другим баракom – постовая будка с шлагбаумом дежурных стрелочников заводских путей. Перед единственными окнами барака, глядевшими в сторону завода, кое-где лепились, как скворечни, разных размеров покосившиеся сараи, позади которых выглядывал серый дощатый заводской забор.

Моя новая жизнь началась как бы в угольнике этих путей с шоссейной булыжной мостовой, идущей от Варшавского шоссе к воротам завода, плодоовощному комбинату им. Бадаева, «жир-строю» и другим производственным учреждениям.

От барака вдоль путей было высажено очень много деревьев, (саженцев) высотой не более 40 см., а с другой стороны через определенное расстояние стояли высокие телеграфные столбы с туго натянутыми на них проводами, да симметрично сложенные кучи щитов, предназначенные для снегозадержания в зимний период.

Поселились мы в одном из бараков, в неудобной и тесной, ничем не привлекательной комнате на две семьи, с одним единственным окном да печью (плитой), сложенной кем-то чуть ли не посередине комнаты. Но в то время и этому были благодарны. Все-таки над головой была крыша, а не открытое небо.

Вторая семья Гончарова Ивана с женой Наташей и детьми Федей – одногодком Алексею, и Аней с Васей – ровесниками мне. Гончаровы, также как и мы, приехали из Рязанской области. Наши родители работали на заводе по разным цехам и на стройке. Мы, дети, иногда шатались по заводским цехам без полов, а кое-где без одной стены или потолка. Барахтались и кувыркались в древесной стружке, опилках, и среди строительного мусора, на полах искали и собирали гвозди, оброненные при работе плотниками. Иногда приходилось вместе с матерями перебирать стеклотару, банки для консервов и очищать их от стружек, служивших им как упаковка в деревянном ящике. Оставаясь на весь день без родителей, мы все лето проводили на улице, проныкали за Варшавское шоссе подсобного хозяйства завода, находившегося на отшибе клубничного поля колхоза «Волхонка» и речкой, протекающей мимо деревни Чертаново и Котляково вплоть до Зюзинского леса, который как-будто манил и звал нас нарушить его грусть нашими детскими и звонкими голосами. Лишь только лето было на исходе, как на комбинат «Бадаево» начинался массовый завоз овощей и фруктов, наступало время подвигов для старших ребят, а от них передавалось нам. С Бадаево шли груженные машины с фруктами в ящиках, и овощами навалом в кузове. На пути машин дорога проходила через два жел. дор. переезда и два крутых поворота, что заставляло водителей автомашин поневоле сбавлять газ и держать малую скорость. Вот этим и воспользовались наши братья и ихние друзья. Заранее были сделаны копы из проволоки, один конец ко-

торой был заостренный, а другой загнут. Первый служил для протыкания арбузов и снятия их из кузова, а второй для отрывания досточек от ящиков с фруктами.

При отрыве доски яблоки, вырываясь в эту брешь, от тряски сыпались по сторонам и на мостовую, а мы, помоложе, следом собирали трофеи своих старших товарищей. Однажды, в пасмурный, ничем не привлекательный день, машин было очень мало, и мы, собравшись в одном из сараев, просто скучали без дела, и только иногда выбегали на улицу. И вдруг вдали показалась машина. Это была низкая полуторотонная машина, она шла тихим ходом в кузове ее были насыпаны арбузы, сверху прикрытые брезентом.

Иван Лысенко взял свое копье и, выйдя с ним на дорогу, бросил его в траву рядом с собой, не показывая виду что его интересует машина. Но лишь только полуторка подъехала к переезду, притормозила и проехала мимо его, он схватил копье и бросился к кузову, но к его огорчению кузов прочно облегал мокрый после дождя брезент из под которого нелегко было вытащить арбуз даже с этим приспособлением. Иван хотел оставить погоню, но, видя большой обтянутый брезентом арбуз, видимо от неудачи, решил его проткнуть, и, когда он его вдарил, в ту же секунду, брезент как-бы подпрыгнул, а Иван от изумления опешил, но, когда недалеко от кабины с ругательством показалась мужская голова, наш Иван дал стрекача, и когда машина остановилась, искать было некого. Да и тем более, Иван же не знал, что под этим брезентом от дождя скрывается грузчик.

2.

В летний период 1937 года я был отдан в заводской детсад, который был расположен на месте стоящего сейчас тарного цеха. В то время это место было как райский тихий уголок, нарушаемый порой звонкими детскими голосами.

Наш небольшой детский домик утопал в зелени яблонь и непроходимых зарослей вишен, и даже далеко вокруг забора детсада тянулись бесконечные фруктовые сады колхоза «Котляково».

После простой деревенской жизни, здесь я познакомился со многими, на первый взгляд, незавидными вещами, то есть, первое – это то, что мне разрешили пользоваться шкафчиком для одежды, на двери которого была прибитая бирка с рисунком кисти из двух вишенок с листочком. Ежедневно по утрам занимались физзарядкой. Каждое утро чистили зубы щеткой с зубным порошком, и, наконец, в завтрак, обед и ужин подавали отдельные тарелочки, что совершенно не совместимо с теми деревенскими и домашними условиями, где на всю семью было одно большое блюдо, служившее как для первого, так и для второго, и если сейчас посмотреть на эти вещи со стороны, покажется дико.

Мне в ту пору пришлось отвыкать от деревянной ложки и привыкать к металлической, которой первые дни неуверенно пользовался за обедом. Она была скользкая, неудобная, беспрестанно выскакивала из рук, и под конец, когда уже супу оставалось в тарелке на доньшке, я с трудом подцеплял оставшуюся жижу и с аппетитом отправлял ее в рот.

Игрушек было много, и, самое главное, два трехколесных велосипеда, которым мы не давали простоя, и один за другим садились и разезжали по узким аллеям тенистого сада.

Иногда приезжали артисты кукольного театра и прямо на воздухе в саду ставили для нас разнообразные постановки, а иногда какой-нибудь артист рассказывал рассказы.

И вот три рассказа, услышанные однажды, в один из тихих теплых вечеров, запали мне в душу. И я их до сих пор вспоминаю, уже давно вышедши из такого возраста, по-видимому, они были прочитаны артистом со всей артистической способностью и отцовской душой, они, как бы сказать,

вошли мне в душу, как бы влились в единое целое моего головного мозга и чистого детского сердца. И на протяжении всей своей жизни я не раз вспоминал их и сталкивался с такими вопросами, услышанными в семилетнем возрасте, в которых говорилось о силе и воле, честности и правдивости, культуре и вежливости, и как-то старался придерживаться их, подчас вспоминая в трудную минуту, а как? Ты узнаешь в следующих главах моей повести, ниже.

А сейчас, вкратце: первый рассказ был о силе и воле, героинями его были две лягушки, случайно попавшие в кувшин со сметаной. Лягушкам это пришлось не по вкусу и, чтобы выйти на свободу, они принялись прыгать вверх, стараясь выскочить из кувшина. Через некоторое время одна из них перестала прыгать, сославшись на то, что устала и при этом промолвила: «Бесполезно, все равно

высоко, не выпрыгнешь», — и опустилась на дно.

Тогда вторая стала прыгать с еще большим рвением и со своими лягушачьими словами: «Нет, надо прыгать! Надо еще жить! Умирать еще рано!» И глядя в круглое отверстие кувшина, где виднелся клочок голубого неба, она продолжала прыгать до тех пор пока под ее ногами образовалась твердая масса коровьего масла из сбившейся сметаны. И она выпрыгнула и осталась жить в своем пруду, провожая вечерний закат и встречая утреннюю зорьку. А вторая так и осталась на дне кувшина, ничего не увидев, похоронив себя заживо.

Второй рассказ, о мужестве и честности, я также начну словами артиста.

Гуляя как-то по городскому саду, я заметил одиноко стоящего в течение долгого времени на одном месте мальчика, и под конец, когда стало смеркаться, я не выдержал и подошел к нему с вопросом: «Мальчик, что ты здесь делаешь?»

Он ответил: «Я стою на посту».

– А кто тебя поставил?

– Командир...

И он мне рассказал, что ребяташки постарше предложили ему играть в войну. Он согласился. Названный командиром поручил ему охранять пост – одиноко стоящую статую и рядом росшее дерево до тех пор, пока не придет командир и не снимет его с поста, а сам со своей ватагой быстро удалился. И мальчик остался один охранять вверенный ему пост как настоящий солдат, исполняющий приказ своего командира.

Прошло немало времени, наступил вечер, командира все не было. Мальчика давно уже мучил голод, охватывал озноб, но он стоял. Вот в это время я и подошел к нему, и, узнав в чем дело, объяснил ему: «Ребята подшутили над тобой и не вернуться». Но он не верил. Я ему предложил сменить его с поста и постоять вместо него, чтобы он шел домой, где его ждет мать, но он не хотел слушать, отвечая: «Меня должен снять с поста только командир». И я, не зная в ту минуту как помочь ему, продолжал стоять перед ним. Кругом уже никого не было видно. И вдруг меня осенила мысль, я бросился к выходу из сада, к трамвайной остановке, и, увидев сержанта Красной Армии, подбежал к нему, и кое-как разъяснил в чем дело.

Мы уже вдвоем бросились в сад, на ворота которого сторож уже вешал замок, был поздний час. Я, сбиваясь, объяснил, как только мог, сторожу, что в саду остался мальчик.

Он открыл нам калитку, и мы затерялись в глубине ночного сада.

Мальчик стоял на прежнем месте, низко наклонив голову. При виде нас он как-то сразу выпрямился, подался грудью вперед. Поднял высоко голову и опустил руки по швам.

Сержант строевым шагом подошел к нему, поднял руку к виску, отдавая честь, и подал команду.

— Товарищ солдат! Приказываю вам оставить вверенный пост!

Мальчик с гордостью и звонким голосом ответил: «Слушаюсь!» И обрадованный шагнул к нам. Мы взяли его за руки и торопливым шагом двинулись к калитке, где нас ожидал сторож.

Выйдя за ворота, сержант крепко пожал нам руки и побежал на подходивший к остановке трамвай. А мы с мальчиком расстались и разошлись каждый в свою сторону. И я провожал глазами удаляющую фигуру мальчика и думал: «Да! Из этого мальчика выйдет настоящий солдат!»

Третий рассказ о культуре и вежливости. Ты его наверное сам читал, называется он «Волшебное слово». Первый и второй рассказы я ни разу не встречал где-либо в литературе, а третий один раз. Где? И когда? Сейчас не помню. Это рассказ о мальчике, который у своей сестры Нади без разрешения брал ее книги и другие ученические принадлежности. За это она его ругала и отбирала обратно до тех пор, пока однажды, на скамейке в парке, он встретился со старичком, и старичок спросил мальчика: «О чем ты грустишь? Кто-нибудь обидел?»

И тогда мальчик рассказал ему о своем горе, что сестра не дает ему своих книг и тетрадей. Тогда старичок придвинулся к нему и шепнул на ухо волшебное слово. Мальчик стремглав побежал домой, а, войдя в комнату, тихо подошел к сестре и нежным просящим голосом обратился к ней со

словами: «Надя, дай мне пожалуйста порисовать твои карандаши». И Надя подняв на него удивленные глаза, с удовольствием достала с полки карандаши и подала брату.

3.

Время шло, а со временем менялась и жизнь. В 1937 году мать родила дочь Александру. А в 1938 году родители, подсчитав свой бюджет, заработки на стройке были не важные, решили купить козу. Чтобы молоком с рынка не пользоваться.

С приобретением первой злополучной скотины последовала другая, а с каждой весной их пополнение, и иногда в лето было получено 7–9 штук рогатой, лупоглазой и бестолковой скотины, а чтобы не было ущерба семье, я был взят из детсада пасти коз и приставлен вместе с Лешкой к стаду.

И если бы кто знал, сколько горя, неприятностей иременной лупки пришлось испытать нам с братом из-за этой глупой, рогатой скотины. А сколько было выплакано слез и принято обид со стороны отца, для которого скотина была дороже ребенка. И сейчас очень обидно за то нелепое и зря прошедшее безрадостное детство, причиной которого были Белки да Милки, Васьки да Мишки.

Ведь этот возраст проходил в играх и шалостях у наших сверстников, в прогулках на речку, в лес, на чертановский аэродром, а мы, привязанные одной веревкой к козлам, ходили за ними по пятам и, подергивали за веревку как за вожжу, в ту или другую сторону, стараясь избегать огородов, куда их тянуло, как магнитом. Мы с братом иногда заигравшись, забывали о бдительности, а затем не досчитывались какой-нибудь белой или серой козы, в том разницы нет, начинались поиски.

После упорных поисков находили ее у кого-нибудь в сарае под замком. Хозяин просит штраф за порчу огорода (Чаще

попадали они к Птичкину). Ну как здесь говорить отцу! А не скажешь, он сам вечером увидит, которой нет. Здесь уже близко к нему не подходишь, а держишься на расстоянии, чтобы в случае чего дать деру, что бывало часто и ночевать где придется, в сарае, и на заводе в рогожах.

Мать нас защищала, но за это перепадало и ей. Все эти годы отец как с ума сходил, все рвал и метал, это был тяжелый период. Мне невольно приходит на ум где-то слышанный рассказ вот он;

У одного отца Матвея было трое сыновей. Однажды один младший из них Николай приехал на пегой лошадке в поле за сеном и, нагрузив воз, возвращался домой.

У ворот на изволоке, лошадь заартачилась, бьется в оглоблях, а воз – ни с места. Горячий Николай выдернул длинные вилы и начал черенком бить лошадь. Пегашка рванулась, упала на колени, вскочила – воз не пошевелинулся. Отец случайно оказался дома и видел все из окна. Не выдержал, выбежал на улицу, оттолкнул сына, распряг пегую и взялся за оглобли. Тронул воз один раз, другой и вдруг, налившись кровью, побагровев, повез, повез.

Во дворе долго стоял молча, грудь его вздымалась и опускалась, со лба капал пот. Николай робко пробирался вдоль стены к сеням, чтобы поскорее оказаться под защитой бабушки.

– С-сукин ты сын! Сам я насилу ввез, а ты лошадку мучил!

И пошел вслед за Николаем в избу. Потом долго и сосредоточенно пил чай из ведерного самовара. Не заметил как выпил весь, в сердитом недоумении покрутил туда-сюда кран, поднял крышку, заглянул! Пусто. Крякнул и вышел в сени. В ворохе яблок насыпанных в углу, отыскал зерновку и долго, надкусив, высасывал из нее кислющий сок – это почему-то всегда успокаивало его.

Наш же отец был не Матвеем, а Степаном и обходился с нами совсем по-другому. Я даже сейчас не пойму в чем была причина его невоздержанности. Возможно, молодость матери, которой в то время было 26 лет, и он ревновал её к своим приятелям по работе, заходившим к нему частенько в гости. А, возможно, от принятия денатурата, который он покупал и кипятил в большой кастрюле на печке, добавляя в него сахар, а затем сливал в двухведерный бочонок с краником, откуда после разливал по стаканам, (но, хочу заметить, сам он не слишком много пил.)

Рецепта изготовления я сейчас не помню, а знаю лишь, что напиток этот был приятно сладкий и хмельный. Читатель, ты спросишь, откуда я мог знать вкусовые качества напитка? Да! Довелось попробовать не при хороших обстоятельствах дела, о чем я расскажу в следующем эпизоде:

В зимнее время старший брат и сестра ходили в школу, находящуюся в поселке З.И.Л(а), а мать с отцом – на работу. Я оставался с меньшей сестрой Шурой за няньку. До чего же она была вертлявая, крикунья, беспокойная, как заводная игрушка, и если начинала плакать, то этот невинный плач со временем переходил в пронзительный визг, и все мои попытки вложить ей в рот соску, одетую на пузырек с молоком, или соску с жеваным хлебом, завернутым в марлю, не увенчивались успехом. Она их выбрасывала языком и губами, глядя на нее и видя свое бессилие, чтобы ее успокоить, порой приходилось плакать и мне.

И вот однажды, пришел отец с работы на обед, успокоил ее и уложил в качку, а я стал укачивать из стороны в сторону раскачивая качку, и не знаю, каким образом качалка, она была сильно неустойчивая, выскочила из моих рук, и грохнулась на пол.

Сестренка закричала, отец бросился на меня, а я в дверь на мороз босиком и раздевши.

Отец меня не догнал, вернулся в комнату. А я остался стоять в чулане, стуча зубами и ожидая своей участи – быть битым или замерзнуть. Но вот открылась дверь, на пороге появился отец, и у меня не было желания бежать от него, так как я замерз окончательно.

Он взял меня за руку, ввел в комнату и, взяв со стола стакан, налил мне из этого бочонка немного желтоватой наливки и заставил выпить. Я же подумал: «Да лупи же, чего уж там», – и с этими мыслями трясущимися руками взял стакан, бегло взглянул на качку, сестренка, посапывая, мирно спала. Потом взглянул на отца, сидевшего за столом перед сковородкой с поджаренными рыбьими срезками (красной рыбы) и орудовавшего ложкой. Я как-то сразу успокоился, поднес стакан к губам, затем выпил и, постояв у горячей печи пока ушел отец на работу, согрелся окончательно, по всему телу прошло тепло от горячей печи и выпитой наливки.

На этот раз грозу пронесло мимо, все обошлось без каких-либо осложнений.

Однажды Гончаров дядя Ваня решил для себя самостоятельно сварить такой же напиток, но вышло не удачно, даже чуть ли не трагически. При кипении денатурат плесканул на плиту, вспыхнуло пламя, перекинулось на кастрюлю, а затем и на самого дядю Ваню. На эту беду, как тому и быть, в комнату вошел наш отец, возвращаясь с работы. Он не растерялся и тут же, схватив шубу, сбил пламя с Гончарова, а затем погасил огонь на плите. И больше Гончаров не брался за это щекотливое ремесло.

В эти годы к нам приезжало очень много деревенского люду, кто временно, как иногда говорили – «ехали в Москву за песнями», купить ситцу, обуви и прочих товаров. А иные, чтобы найти работу и остаться постоянно

Так приехали также родные: матерны братья – дядья Афоня и Федя, а затем Тихон и бабушка Бухтеяровы, кото-

рые нашли себе место на заводе. Как и многие другие, наши земляки и жили больше в общежитии. Вот здесь я впервые увидел и услышал патефон принесенный дядей Федей, а так же русскую гармошку, на которой хорошо играл Калмыков дядя Вася. И здесь я первый раз полюбил переливчатый звук двухрядки. А в это время по станционной булыжной мостовой, берущей начало от переезда, маршировали ополченцы всеобуча и в такт шага пели строевые походные песни.

*«...Мы в бой поедem на машинах,
И пулемет с собой возьмем...»*

В день авиации на аэродроме Чертаново отмечался настоящий праздник воздушного флота.

На аэродром по Варшавскому шоссе с самого утра стекался темной массой народ, которому не было ни конца, ни края.

Один раз был там и я, с обширного поля аэродрома в воздух запускали огромные шары, с самолетов бросали парашютистов. А ястребки показывали свое мастерство в поднебесье. И вдруг во время одного трюка ястребок ринулся вниз, да по-видимому не успел вырлиться слишком близка была земля... врезался... слышался взрыв и показался медленно, поднимаясь вверх громадный столб черного дыма.

Народ лавиной бросился к тому месту. А мы с товарищами в суматохе порастеряли друг друга и только по дороге домой собрались все вместе.

4.

В 1939 году мы переехали в громадное кирпичное общежитие на десятки семей.

Это бывший недостроенный укусусный цех завода. Жизнь в нем была как у цыганского табора, только оседлого. У каждой койки красовалась цветная ширма (занавеска). И это

не мешало рождаться детям. Так у нас в семье родилась сестра Рая. Но вскоре умерла. За ней появилась другая, с таким же именем, а у Гончаровых – Нина.

В этом году я учился в небольшой начальной школе, расположенной рядом с заводом, и свое учение совмещал с пастьбой рогатой скотины.

Брат с сестрой, как я уже говорил, ходили пешком в школу на поселок З.И.С. Это очень далеко, да и уроков у них было больше, поэтому и стадо пасти больше приходилось мне.

Я учился во втором классе и не плохо – за исключением арифметики, которая поддавалась трудно, и из нее – таблица умножения.

В праздничные дни в клубе завода для школьников устраивались концерты, демонстрировались кинофильмы, проводились интересные игры. А в завершение всего, ученикам дарили подарки в виде книг, цветных карандашей, ручек, домино, шашек и других ученических принадлежностей и детских игрушек.

Однажды, во время летних каникул, группа наших учеников из школы с учительницей Полиной Семеновной, собралась ехать на Сельскохозяйственную выставку. Мы с приятелем Сухаревым Иваном, жившие вместе, не были почему-то, зачислены в список экскурсантов и решили ехать самостоятельно, не зная дороги и транспорта передвижения, а подумав, решили держаться на хвосте у экскурсантов.

Первое, что мы с Иваном сделали по дороге – в первом же магазине купили ирисок, а денег у нас были одни гроши. Мне мать дала 90 коп. да ему 1 р. 30 коп. и что это были за деньги по тому времени, на них можно было купить только 22 коробки спичек. Но! Все же соблазн берет свое, и мы, видя, что школьники сели на 49 трамвай с кольца поселка З.И.С., сели на следующий, а там нам подсказали, где нужно пересестись на другой, и, таким образом, очутились среди

огромной площади с высокой, блестящей на солнце скульптурой мужчины с женщиной, держащих в руках сверкающие серп и молот, а над головой такой же сноп пшеницы. Какое же радостное впечатление я испытывал, рассматривая экспонаты выставки – машины, тракторы, животных и птиц, декоративные деревья и рыбок.

Я чувствовал, что попал в страну сказок, о которой мне рассказывала бабушка и мать, да и сам я уже читал книги. И этот волшебный мир предстал перед моими глазами деревенского мальчугана, который представлял раньше в деревне, что будто вон там, за горизонтом, где небо сходится с землей – конец света.

Всю выставку мы обойти не смогли, и под конец, среди толпы, каким-то образом потеряли друг друга, и все мои тщетные попытки найти приятеля среди густой толпы народа не увенчались успехом.

Мое положение оказалось незавидным, ибо оставшиеся деньги на дорогу находились у Ивана, а я, горем убитый, вышел с выставки и вдруг увидел, что наши школьники садятся в троллейбус. Я хотел броситься к ним, к Полине Сергеевне и просить о помощи, но какой-то инстинкт заставил меня остановиться. Мне было неудобно и очень стыдно за себя, оттого что мы, не спросясь никого, поехали вслед и крались, как волки, за ними, а поэтому боязнь и совесть оказаться возле их удерживали меня до сих пор, пока не тронулся троллейбус. Ах! Если бы я знал, что среди учеников находился мой друг Иван. А он был с ними. Но как же я пожалел потом, оставшись один среди незнакомого места и взад-вперед гуляющего по аллеям народа, которому и дела не было до мальчишки без копейки в кармане и голодным желудком. Первая моя мысль была – куда мне идти? Чтобы добраться до так много обещающего 49 трамвая, который шел до поселка З.И.С., откуда

я уже самостоятельно знал дорогу к дому. Но у кого бы я не спрашивал, никто не знал такого маршрута, потому что это была другая окраина Москвы. И я двинулся в ту сторону, в которую уехали ученики; в неведомое туда, где шумел народ, где витрины устилали асфальт тротуаров ковром, отражая желтыми цветами радуги солнечных лучей, раздавались дребезжащие звонки, туда-сюда снующих красно-желтых вагончиков трамваев.

Я шел очень долго, заглядывая на трамвайные трафареты. Но там были совершенно другие номера. Я был голоден. Ибо время подходило к вечеру, а у меня с самого утра во рту ничего не было кроме тех конфет, которыми я наслаждался в начале нашей поездки. И с какой жадностью я смотрел на лотки и витрины магазинов с колбасами, пирожками и фруктами, попадавшимися на моем пути.

Сейчас не помню где это было. Да я и в то время не знал места, где встретился с одним старичком, идущим с бидончиком навстречу мне. Я его спросил о 49 трамвае, он мне объяснил: «Садись на этот троллейбус и доедешь до Курского вокзала, там 49 делает кольцо». Но не знал старичок, что у меня нет денег на дорогу, а я, стыдясь, спросить у него, стоял перед ним, как провинившийся щенок перед своим хозяином.

В это время другой троллейбус остановился и тронулся, а старичок глядя на меня спрашивает: «Ты что же не садишься?» Здесь деваться некуда, и я признался, что у меня нет денег а он отвечает, что детей возят бесплатно; и видя что я не двигаюсь с места, взял меня за руку и повел меня к вновь идущей машине со словами «не бойся я поеду с тобой». Он подтолкнул меня в дверь в то время когда троллейбус тронулся, а я оглянувшись назад и не увидел своего спасителя, которого вот уже прошло как 30 лет я вспоминаю как настоящего честного и благородного русского человека.

Дорогой читатель, я не буду описывать дальше свой путь продвижения, ибо ты сам поймешь, как я добрался до дома среди ночи. Как меня встретили родители, какое беспокойство и сколько переживаний я причинил своей матери, после того как она узнала, что я отстал и остался один среди шумного громадного города, еще глупый, несмышленный ребенок.

(Конец второй главы).

Все живое особой метой,
Отмечается с ранних пор,
Если не был бы я поэтом,
Значит был бы мошенник и вор.
Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.
И навстречу напуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот,
Ничего, я споткнулся о камень,
Это к завтраму все подживет.
(С. Есенин)

ГЛАВА 3

В декабре 1940 года наша семья, как и многие другие, переехала на станцию Бирюлево-товарное Павелецкой железной дороги, где силами завода было выстроено два кирпичных двухэтажных дома и строился третий.

Заселение проходило без ордеров или какого-либо вмешательства домоуправления, то есть, кто первый приехал, тот и занимал ту или иную комнату по своему вкусу.

Отец, видимо, запоздал, занял северную угловую, хотя другие свободные комнаты еще были, но, по-видимому, та радость, что выбрались из этого хаоса, что называлось общежитием, с радости его голову, и мы так и остались в этой ничем не привлекательной комнате. Печь в ней, сделанная без дымоходов напрямую, за оставшиеся месяцы зимы своей ненасытной топкой пожрала несколько тонн угля антрацита, не

считая дров как хорошо производительная печь мартеповской домны, а температура воздуха не поднималась выше 10 градусов, и это в дневное время.

По соседству с нами жили еще две семьи – Румянцева Павла с женой Нюрой и двумя дочерьми Шурой ровесницей мне и Надей сестре Рае.

В маленькой комнатке жил молодой веселый парень Денисов Петя с женой Зоей, парикмахершей.

Весной 1941 года, когда закончились занятия в школе я перешел в третий класс. На это лето скотина наша была отдана в стадо на общих началах, то есть за каждую козу приходилось отпасти один день все стадо. А у нас их в ту пору было три, не считая козлят, которые сидели на привязи недалеко, на лугу, где напротив дворов зеленело целинное поле, а через овраг с прудом – другое до самого элеватора и окраины так хорошо сейчас знакомого Царицыно.

Это лето началось для меня, как и для всей детворы, хорошо и весело, то есть рядом был пруд с чистой прозрачной водой, зелеными от травы пологими берегами и доской для ныряния в воду, служившей как трамплин.

Здесь купались не только мы, детвора, но и взрослые, потому что пруд был слишком глубок.

Ватагой ходили мы в лесопитомник (дендропарк), который начинался за околицей деревни «Пожарки» у самого края деревенского оврага и тянулся до одиноко стоящей в лесном массиве радиостанции, соединяясь с Царицынским лесом на северо-востоке и дубняком на юге.

В то время питомник еще не так разросся и был слишком молод. Ходить в него не разрешали никому. Но разве есть такие преграды перед мальчишеской любознательностью и желанием показать себя героем среди своих друзей мальчишек. И мы проникали в это царство деревьев, цветов и щебетания птиц. Из питомника мы переходили в старый

дубовый лес, который начинался прямо от оврага деревни и пруда, разделявшего питомник и дубняк с южной стороны.

Лес был редок и красив, с могучими стволами дубов и густыми кронами листьев.

Это было мое излюбленное место в тенистой безмолвной глубине леса, ни шум поселка, ни свист гудков паровозов, снующих по станции, не проникал сюда.

Застенчивый, малоразговорчивый, даже робкий с людьми, я разговаривал с облаками, травами, речной волной. Для меня все имело живую душу и живой голос,

жаворонок в синей высоте над золотистым полем и квакающая лягушка в затянутой туманом низине, по-разному звенели для меня два одинаковых стакана, по-разному гудели в мороз телеграфные столбы.

Здесь, в лесу, в первый раз я увидел грибы, и через несколько посещений леса уже распознавал их по качеству, какой плохой и хороший. И в то же время я полюбил, как бы сказать, этот вид спорта и до сих пор люблю – не откажусь сделать вылазку – при первой возможности поехать или пойти за десятки км в грибное место, а вернувшись с полной корзиной домой, перебрать их, вспоминая где и как, при каких обстоятельствах нашел тот или иной гриб.

Занимался я и рыбной ловлей на удочку в парковом пруду совхоза «Загорье» и изредка в Царицынских прудах. Но что это была за рыба – караси, малявки, вьюны, или как мы их еще называли, огольцы! В нашем пруду водились кара-

си, но на удочку не клевали, по-видимому им корму хватало прудового, более доступного чем червь или хлеб, болтающиеся на крючке. Впоследствии сделали пруд у базовской водоочистительной станции (биологички), где также водилась рыба, но купались здесь редко из-за холодной ключевой воды и круто нависших над водами пруда берегов.

Рядом с тем хорошим, что я видел, любил и чем наслаждался, в мою жизнь врывались и «грозовые помехи», мешающие спокойно жить и развиваться. Это отец по-прежнему омрачал наше детство, все также буйствовал, и мы жили с тревогой за завтрашний день, если этот прошел тихо.

Причины для очередной лупки кого-нибудь из нас у него всегда находились: из-за козленка, который запутался в веревке, а мы вовремя не досмотрели, не распутали, кто-то опоздал к ужину, несвоевременно убрали сено, которое подмочил неожиданный дождик, да разве мало случаев, всего не опишешь. Все это давало ему повод к тому чтобы стряхнуть с себя пыль и разнять ремень, находящийся всегда на своем месте.

Прошли вот уже десятки лет и, вспоминая все это, думаешь, как же он был не прав по отношению к нам, детям за наши проступки.

(Конец третьей главы).

ГЛАВА 4

Вольный ветер гигикни над елью,
За сосной где укрылся глухарь.
Закружи меня белой метелью,
Подними и о землю ударь.

1.

Так шли дни и ночи, сменяющиеся ясными зорьками и хмурыми вечерами.

И вот однажды, ранним июньским утром, зорька была нарушена. Проснулся я от какого-то движения в комнате, а когда открыл глаза ... что такое? Я – один да спящие сестренки, здесь я подумал: что-то случилось, и на душе стало так нехорошо. Я бросился к дверям, ведущим на улицу, а когда открыл их, первое что бросилось в глаза – такая картина. Жильцы нашего дома плотной кучкой стояли на крыльце. Кто-то из мужчин показывал руками вверх, а женщины причитали, молились и охали. Я пробрался среди них на улицу и, глянув на небо, увидел небольшие облачка величиной с шапку, которые появлялись внезапно и постепенно рассеивались. И вот только здесь до моего слуха донеслась пальба орудий, а куда стреляли? И в кого? В испуге никто толком не знал. Люди, разбуженные выстрелами в такую рань, в страхе принимали разрывы сотен снарядов, от которых появлялись темные пятна в воздухе за самолеты – не зная чьи они.

Когда я глянул по сторонам, то меня сразу же охватил ужас от того, что овраг, тянувшийся от нашего пруда до Царицыно между базой и нашими домами, был битком забит

кишащей толпой перепуганного народа, бежавшего с детьми и узлами, обезумевшего от страха, в надежде, что этот овраг принесет им спасение от боли и снарядов противника.

Да здесь толком никто ничего не знал, каждый высказывал свое мнение, и только когда зенитки прекратили стрельбу, народ стал расходиться по своим теплым насиженным местам. Когда же мы собрались обсудить случившееся, в комнату вошла Марусина подруга Гаврилова Катюша и со слезами на глазах проговорила: «Война».

Только сейчас по радио передали, началась война с Германией, а орудия били – это была учебная тревога.

Мы, дети, из разговоров старших слышали, что будет война, а некоторые не верили в нее. Но у нас, детворы, с начала мая 1941 года вошло в привычку, забыв про игры (любимую в то время лапту и многие другие), почти ежедневно играть в свою войну.

Это сходились партия на партию: мальчишки наших домов с мальчишками из домов «68-го завода», «базы» и вели настоящее побоище, начинавшееся на пруду сначала из-за пустяков и заканчивавшееся где-либо на широком базовском поле. Овраг был нейтральной полосой, потом переходил из рук в руки. В этом сражении летело в друг друга все что попадало под руку – комья глины, кирпичи, шлак и прочие другие метательные средства и предметы, исключая только поджигалы.

Старухи и женщины, глядя на нас, ругались, приговаривая: «Войне быть, войны не миновать!».

И все-таки она грянула, пришла неожиданно, внезапно – видимо рухнув на нас с июньского неба.

Никто в то время не знал, что эта война затянется надолго, и что на нашем пути, начавшемся весной 1941 года так легко и весело, ждут нас очень сложные передрыги и суровые испытания.

Для нас детей война представлялась совершенно в другой форме, будто она принесет с собой что-то многообещающее и интересное. Но если бы мы знали в то время, что она принесет с собой горе и слезы, голод и холод, она не вернет с фронта домой многих отцов и братьев, которым через считанные часы после объявления войны стали приносить повестки из военкомата. В скором времени они уходили на фронт под дикие вопли жен, детей и многочисленной толпы провожающих.

Через несколько дней пришло указание поссовета всем жильцам строить для себя бомбоубежище. Наш дом был еще в строительных площадках. Лес, доски лежали штабелями для строительства третьего дома, и вся эта древесина в считанные несколько дней пошла на постройку бомбоубежищ, землянок и нор. Земля вокруг дома была изрыта и похожа не передовую линию фронта.

Недалеко от дома войсками ПВО был установлен прожектор, а в 400 м от него в сторону Царицыно – зенитные орудия, вкопанные в землю, вокруг них были выложены еще аккуратненькие брустверы из мешков с песком. Дома наши с каждым днем принимали осиротелый вид. Комната за комнатой становились пустыми, брошенными, ибо одни уходили на фронт, другие подавались к себе на родину, в деревню, а некоторые рвались на Урал, в Сибирь, ища там себе спасения от наступающих войск Гитлера.

Однажды пронесся слух о паническом бегстве из Москвы всяких мелких и средних начальников, происшедшем несколько дней назад, 15–16 октября 1941 года, о толпах паникеров, катившихся из столицы по шоссе на город Горький, о заградительных рабочих отрядах, которые перехватывали драпунов, опрокидывали в канавы их автомашины, отбирали груз.

2.

Наша семья не собиралась выезжать, да и некуда было, и мы остались на прежнем месте, и даже у одной отъезжающей семьи купили по дешевой цене канцелярский стол и несколько стульев, которые служили нам десятки лет необходимой столовой мебелью.

Жизнь с каждым днем становилась все трудней и трудней. В июле месяце вдруг как отрезало, продукты и хлеб стали давать по карточкам, и никаких пирожков, никакого мороженого, даже бубликов.

Магазинные полки как-то сразу опустели за исключением горчицы, хмеля и перца, да в первые дни еще были папиросы и среди них, под названием «Шутка», длинные, тоненькие дамские папироски, к которым я пристрастился ради шутки (шутя) от ребят, а затем начал курить по-настоящему, ибо курево как-то забивает голод, тем более когда все время хочется есть. Чувство это дурацкое, унижительное. Папироса, а за ней другая, особенно рано утром, что называется смешным словом «натошак», приглушает желание поесть, не в пределах определенных для тебя талончиками продуктовой карточки, а далеко переступая за ее пределы.

С запада и севера Москвы надвигались немецкие полчища. В городе и его областях все сильнее и сильнее давал себя чувствовать голод. Цены на продукты росли. На рынках появились в продаже те продукты и вещи, которых не было на прилавке в магазине. Черный хлеб, который еще так недавно отталкивали от себя, пользуясь серым за обедом с супом и жарким, незаметно превратился в лакомство вроде торта или мороженого.

Несмотря на все трудности, как в других, так и в нашей местности, полным ходом шла работа по укреплению района.

По Царицинскому оврагу сотни, а может быть и тысячи людей, главным образом женщины, копали длиннющий

противотанковый ров, извилистую траншею, широкую и глубокую, с крутыми краями – против танков. Лопатами, ломami, кирками долбили за миллионы лет слежавшуюся до каменной твердости рыжую глину. Обгорелые на солнце, обветренные, усталые. Лица, руки, открытые плечи шелушились, с ладоней не сходили мозоли, у кого водянистые волдыри, у кого твердые, почти роговые плитки. Овраг был скрыт, местами замаскирован дерном и представлял собой непроходимый танковый ров с металлическими ежами и колючей проволокой в несколько рядов тянувшейся по его вершине, со стороны базы в сторону радиостанции.

Военные укрепления не обошлись без леса, а поэтому был выпилен дубняк, хоть и незначительная его часть, по-видимому, он тоже не хотел погибать и упорно боролся за свою жизнь с двуручной лучковой пилой, поломавшей ни один стальной зуб в его крепком и могучем чреве.

3.

Кто виноват во всем этом, где причина начавшейся разрухи, я не понимал, да и как каждый мальчишка, не очень задумывался над этим. В десять лет человек живет своими, часто гораздо более сложными, чем у взрослых, интересами.

Нас детей война еще не совсем коснулась, мы чувствовали себя свободно, занимались играми, купались в пруду и вместе со всеми провожали соседей-мужчин в военкомат. Так мы проводили Гончарова, Румянцева, Никонова, Гаврилова, Колкина, дядю Васю Нятова и Андрея Плешкина, Мишу и очень многих других.

В нашем доме мужчин почти что не осталось, за исключением моего отца, Лысенко, стариков и подростков. В первые дни войны ушли на фронт дядя Афоня и Федор Андреевич Бухтеяровы. Тихон Андреевич проходил всеобуч в

ополчении, а затем был также отправлен на фронт.

В эти дни мне приходилось случайно бывать на вокзалах Курской и Павелецкой железной дороги в поисках получить что-нибудь по карточкам, и видеть там тысячи людей – мужчин женщин и детей, которые ходят, бродят о чем-то друг друга расспрашивают, чего-то хотят, волнуются, плачут.

Горы обшитых мешковиной тюков, стянутых веревками чемоданов, пестрых узлов и узелочков – это был скarb перепуганных людей, это часть того, что накопили они в своей жизни, и все, что тащили с собой в неизвестность.

В середине июля начались налеты авиации противника. На весь наш поселок стоял тогда стон, вернее тьяканье, десятка паровозов, издававших гудки, а на базе элеватора завывала сирена. И все эти сигналы, слитые вместе, наводили такой ужас, что с непривычки волосы на голове становились дыбом, а некоторые преждевременно от страха хоронили себя заживо.

После сигналов тревоги недолго приходилось ждать, постепенно слух улавливал прерывистое урчание немецких самолетов-бомбардировщиков. Странно и пестро выглядели окна в домах, все до единого испещренные крест на крест наклеенными полосками белой бумаги: дескать стекла не будут лопаться от взрывной волны при бомбардировках. На каждых окнах была светомаскировка, а рядом с домами – ящики и бочки с водой, песком и подручным инструментом – клещами, ломami, лопатами и др. для тушения зажигательных бомб.

Мой брат Алексей и Гончаров Федя по кличке «Ф.Д.» подружились с нашим соседом Петей и составляли ему компанию по вылазкам в сады совхоза «Загорье», по клубничным и другим овощным полям. Однажды они стали собираться на огуречное поле, которое начиналось от бровки царицынской дороги и шло по опушке царицынского леса

вниз к больнице. В этот раз напросился с ними и я. Сначала отказали, но потом, благодаря Леше, взяли. Вышли мы около полуночи. Ночь выдалась безлунной и слишком темной, несмотря на то, что в небе мерцало множество звезд.

Первым долгом дойдя до проволочного заграждения, преодолели его, кое-где поцарапавшись, затем преодолели противотанковый ров, овраг и через несколько минут были у цели.

После тихой бесшумной ходьбы по дороге под нашими ногами зашелестели покрытые росой плети и листья огурцов. Напарники принялись рвать их, а я? С каким я усердием принялся за поиски этих зеленых и водянистых, отдающих зеленой овощей, но тщетно было мое усердие! Сколько бы я впотьмах не шарил рукой по стеблям, попадались лишь только твердые слежавшиеся комья земли. О! Как мне иногда было горько от того, что огурцы как бы нарочно договорились не даваться в мои еще неопытные руки. Петя догадался в каком я нахожусь положении, подошел и подсказал как надо искать, а способ был простой: подымаешь плеть вертикально и смотришь. И вот здесь-то огурцы сами себя выдают своей белой и гладкой макушкой.

Сумки наши быстро были наполнены, и мы тронулись этой же дорогой обратно, другого прохода в заграждении не было, и только перелезая через ров, затюкали зенитки, прожектора своими лучами уперлись в небо, ожил воздух, посветлела земля. Началась воздушная тревога, и мы, прибавив шагу, благополучно вернулись домой.

На утро Пете принесли повестку в военкомат, а через день проводили без слез и торжественных слов. После его ухода на фронт жена его Зоя где-то пропала, а куда? Каждый судачил по-своему. Через месяц, а может полтора, Петя, уже старший лейтенант, проездом заехал домой на удивление всем, особенно мне, ибо это был первый офицер встретившийся мне за первые месяцы войны, у которого

вся грудь слева и справа сверкала от дюжины орденов и медалей, и этот Петя, сосед, в моих глазах казался героем, и я хотел хоть немножко на него быть похожим.

Второго офицера с такими же орденами я увидел лишь только после разгрома немцев в 1943 году под Сталинградом, когда эту часть расквартировали в наших домах на отдых. Но Петя был из первых, и на всю жизнь врезался мне в память. Он недолго погостил, узнав о жене (которой по-видимому не дорожил), раздал соседям имущество и уехал обратно на фронт. И вот сейчас, когда прошло уже не мало времени с тех пор, хотелось бы узнать жив ли он? Как устроилась его жизнь после войны? Или героически (иначе и быть не могло) сложил он свою буйную голову на полях сражений, жизнерадостный и смелый, старший товарищ и командир Петя Денисов.

4.

Немецкая авиация все чаще и чаще стала прорываться к Москве, через воздушное заграждение батарей и множество аэростатов, которые с наступлением вечера подымались в небо, удерживаемые с земли туго натянутыми стальными тросами и висевшие неподвижно в воздухе как огромные черные кляксы в лучах заходящего на западе солнца.

В небе скрещивались, метались белые лучи прожекторов, воздух кипел от разрывов снарядов. К прожектору, поймавшему самолет, спешили другие, чтобы крепче связать его своими перекрещенными ослепительными лучами. Вот здесь начинался настоящий беглый огонь батарей.

Нам очень интересны были такие баталии в воздухе, и мы один за другим вылезали потихоньку из своих душных и пахнущих плесенью землянок и нор, забывая про с визгом падающие дождем на

обсыпанный землею бруствер землянки и барабанившие частой дробью по крышам домов железные хлесткие горячие осколки, которые, звякая, падали, высекая искры.

Вдруг в воздухе раздавался пулементно-спаренный треск, это с самолета били по прожекторам. Пули, одна за другой, мчались вниз сверкая в их лучах. Прожектора мгновенно гасли, чтобы в ту же секунду вспыхнуть, как бы с новой силой и пристать к своим товарищам, цепко взявшим в крестовину самолет и ведущие его до тех пор пока он не вспыхнет, а вспыхнув, не рухнет вниз, чтобы уже никогда не подняться.

Так в один из ночных налетов мы вылезли из своей землянки и расположились на бруствере, время от времени наблюдая за воздухом и низко кланяясь лицом до самой земли крупногабаритным осколкам и особенно их визгу; и вдруг мы увидели самолет, взятый в скрещение нескольких узких, длинных лучей. Это был немецкий бомбардировщик. В ослепительном свете он казался игрушечным веселым самолетиком, в какие забавляются и играют дети, но этот нес бомбы. Мы замерли в ожидании: что же будет дальше? Мы пристально смотрели в ясное звездное небо, на бороздящие его лучи. Всем до острой боли в сердце хотелось, чтобы наши зенитчики сбили это белое кусачее насекомое с московского неба.

А самолет все шел и шел, постепенно удаляясь на восток, он явно уходил. И вдруг с ним что-то случилось, по-видимому настиг осколок снаряда, он странно дернулся, накренился в сторону, затем клюнул носом... Кто-то отчаянно закричал: «Уходит!» А кто-то еще отчаяннее, но иначе: «Падает!»

«Юнкерс» понесся к земле со стремительной скоростью. Лучи прожекторов его утеряли, и можно было подумать, что он так клюнув в пике, просто сманеврировал, если бы не всплеск багрового пламени в районе Старых

Черемушек, и мощный удар взрыва спустя несколько секунд докатившийся оттуда.

Враг подошел к воротам Москвы, налеты авиации следовали один за другим. Самолеты противника пускали осветительные ракеты (фонари) и делала свое черное и грязное дело. Они забрасывали город бомбами разных типов и листовками, в которых со свойственной им наглостью и самоуверенностью называли наше сопротивление безнадежным и предлагал сдаваться. То там, то здесь вспыхивали зажигательные бомбы, очень много которых было сброшено

на лес, но они тут же гасились людьми из ПВО. В один из налетов было подожжено два заполненных зерном крыла элеватора. Сухое зерно, находившееся там горело со страшным треском, который был слышен далеко вокруг от элеватора. В последствие этим зерном заваливали базовский овраг, никому из населения ни грамма не разрешили брать, боясь отравления. Но мы ухитрялись иногда, пользовались им. Зерно толкли в ступе, прогоняли через мясорубки и самодельные мельницы, пекли скрипящие на зубах лепешки из пропахшей дымом и черной как уголь горелой пшеницы.

В следующую ночь в 300 метрах от нашего дома землю и воздух потряс сильный взрыв (по словам специалистов от 1000 кг фугасной бомбы) разорвавшейся на краю оврага; и что интересно – это никто не пострадал, даже стекла в доме, исключая некоторые.

После тревоги рассвет наступил быстро. Мы гурьбой, вместе со сверстниками ходили осматривать эту воронку. Она была слишком глубока и огромна, никогда бы не подумал, не увидев своими глазами., что бомба может своим взрывом поднять и выбросить на поверхность десятки тонн

местами черной от копоти земли, которая еще не проветрилась и пороховой запах вместе со взрывчаткой ударял в нос, а недалеко от земляного завала воронки мы находили увесистые фугасные осколки из черного бросающего в синеву металла с клеймом фашистской Германии. В последствии эту воронку глубиной чуть ли не с двухэтажный дом валили мусор и разные нечистоты, свозимые со всего поселка. И когда пишется эти строки вряд ли от нее что-нибудь осталось...

(Конец четвертой главы).

Что знаешь в детстве —
Знаешь на всю жизнь. Но:
И чего не знаешь в детстве —
Не знаешь на всю жизнь.

ГЛАВА 5

1.

Летние и осенние дни 1941 года сменялись бесконечными тревожными ночами. И нам, оставшимся без выезда из Москвы, было над чем призадуматься.

Война и голод все ближе и ближе подходили к нашему городу, от них уже не отсидишься, не укроешься ни в бомбоубежище, ни в комнате.

Вставая по утрам, желудок просил пищи, а ее надо было где-то достать в магазине, это были те незавидные граммы, выдаваемые на карточки. Запасов продуктов питания дома никаких не было. Поэтому старшая сестра — Маруся, а впоследствии брат Алексей (последний) с трудом, как несовершеннолетний, оформляются рабочими на рыбокомбинат в расчете не столько на получку, сколько на питание на нем, начиная от селедки и кончая пирожками с повидлом.

Они были устроены — исключая то, что Марусю несколько раз посылали от завода на труд-фронт.

Мать сидела дома с меньшими сестренками, ибо Шуре шел четвертый год, а Рае — первый. Иногда в домохозяйстве заменял ее я, а чаще, как старшему и полегче на ноги, приходилось брать сумку в руки, карточки в карман и по целым дням скитаться по магазинам своего района и даже заез-

жать в Люблино, депо, Перерву, чтобы получить тот или иной продукт, выдаваемый на какой-либо талон карточки.

Со временем вменили положение, чтобы карточки прикреплялись к одному какому-нибудь магазину. Вот здесь уже каждый выбирал себе коренной магазин. Мне облюбовалась палатка, стоявшая на небольшом обрывчике заливного луга и речки в районе Царицыно по улице Кошкина. Снабжение палатки продуктами по тому времени было хорошее, а потому в нее прикреплялось очень много народу.

И вот здесь, у этой невзрачной облупившейся от стен краской палатки, я провел не одну сотню дней, простаивая в очередях в те тяжелые и грозные годы.

Я не буду описывать свое самочувствие, в каком находился состоянии и веру в то, что мой выход удачен. Когда я шел в эту палатку в обход, по царицынскому оврагу, иного пути не было, по дороге, где ходили раньше за огурцами проход был запрещен и нарыты холмики с вывеской на низких столбах – «мины». Дорога была длинной, изнурительной и, добравшись до палатки под палящими лучами солнца и постояв в очереди, где намнут бока и подавят босые ноги, в глазах появлялись круги разных цветов, бросало в жар, вышибал пот, кружилась голова. И как же был радостно на душе, когда, отойдя от прилавка с увеситым мешочком, соевых конфет, которых давали вдвое больше вместо сахара, с радостью в душе и думой в голове, что день прошел недаром, и я приду домой не с порожней сумкой, что родители похвалят... И с этой радостной мечтой я отправлялся в обратный путь с мучнисто сладкой конфеткой во рту.

Очень плохо дело обстояло с хлебом получаемым в 11 магазине по Главной улице, (ныне Шефской). На весь поселок работала одна пекарня, которая с трудом обеспечивала потребителей хлебом, да и тот на половину был испечен с шелухой овса и картошки. На несколько магазинов одна

замученная лошадка с возницей Настей его транспортировала. Вот и ждешь, глотая слюни, когда она привезет, да еще когда-то подойдет твоя очередь, и вместе с тем болеть душой за то, чтобы не потерять карточки. В то время можно было потерять все: гардероб, буфет, часы – но только не их, ибо в них заключалась вся жизнь честного человека.

2.

В свободный день, или обычно во второй половине дня, совмещая с заготовкой сена, изредка ходил за свеклой что росла на небольшом поле, среди которого окопались зенитки. Артиллеристы ругались, часовые часто прогоняли, пугая винтовками. Но как говорят, мир не без добрых людей, и, по-видимому, некоторые солдаты учитывали нужду населения хоть в этом незавидном овоще, который оставшись на зиму в земле пропадет окончательно, подпускали к себе на близкое расстояние. Однажды в сентябрьский солнечный день мы с матерью взяли мешки, отправились на это поле и подошли к самым батареям, потому что вблизи них свекла покрупнее была еще не выбрана.

Дело уже подходило к концу, как вдруг забежали артиллеристы, стволы зениток стали подниматься вверх, а еще секунда и ударили первые залпы орудий, от которых задрожала земля под ногами и на время отключились барабанные перепонки.

Мы схватили мешки и что есть духу пустились наутек, не понимая в чем дело. И лишь только добежав до дороги, мы услышали запоздалые отрывистые гудки паровозов и завывание сирены, извещавшие о внезапном налете самолетов противника.

В конце осени прошел слух, что на полях Чертаново осталась не убранной морковь и свекла, а в Котлякове – капуста. Мы, детвора с мешками, к которым уже привыкли,

тащились вдоль железнодорожного полотна 5 км в один конец, чтобы полакомиться сочной морковью и прихватить домой. Походы наши продолжались недолго, так как выпал снег, а за ним вдарил ранний мороз, сковал землю и не так-то легко стало вытащить морковину из мерзлой как камень земли, а капустный лист – из-под снега. И все же мы ходили! Сбивали ноги, но ходили! И вырывали чуть ли не зубами, но вырывали эти плоды жизни, которых так не хватало на кухне в семейном котле.

3.

Ой мороз, мороз, шапка в инее,
И зачем ты так лют цельну зимушку
Что нельзя пацанам порезвиться подчас,
в избе сумрачной замерзаючи.

(На старинный лад. соб.соч.)

С наступлением зимы козы были загнаны в сарай, сено насушено и вроде пришло время отдохнуть – но нет, новая забота – добыча топлива – легла на мои плечи.

Печь за лето, хотя и была переделана нашим родственником Мордвиновым Михаилом, и при ее топке раскалялась докрасна, но лютый мороз этой зимы и промерзшие серые стены с толстым покрытием льда в одном углу у окошка давали свой эффект и отражались на температуре воздуха в комнате.

Отец на ночь набирал в двухведерный чугунок раскаленных углей из печи и ставил в этот угол на кирпичи. Лед постепенно таял, по комнате растекалась вода, время от времени подбираемая тряпкой. Но со временем чугунок остывал, и все снова вставало на свои места, мы, завернувшись во что попало, не раздеваясь, ложились спать, а поутру, проснувшись, спешили умыться, но кружка упиралась в толстую корку льда, образовавшуюся ночью в ведре.

Не одни мы терпели холод, из очень многих окон высовывались круглые железные трубы от временных печек-«буржук». И вот, в такую зимнюю стужу – одежда была неважная, взяв мешок и ведро, я отправлялся в тупик паровозного депо, где производили чистку паровозных топков паровозов ФД., приводивших составы из Ожерелья и «эмок», с окружной железной дороги и Царицына.

Паровоз подъезжал к месту чистки. Из будки машиниста вылезал кочегар, отцеплял сбоку паровоза длинную кочергу, открывал крышку нижнего люка топки и начинал выгребать белый, как раскаленный металл, шлак и обгоревший уголь, с шипением и чадя падающий на полотно уже слежавшегося остывшего шлака. Кругом сразу становилось тепло, а в носу щекотало от газа. Мы тесной кучкой толпились у этого дымно-горячего месива, иногда мешая кочегару, который, в свою очередь, покрывал нас недостойными бранными словами. Каждый из нас стремился набрать этого чуть тронутого огнем угля, который еще годился для печки, отнести домой и вернуться еще чтобы опять лезть в это горячее пекло, прожигающее последнюю обувь, варежки, обжигая пальцы и вдыхая в себя такой неприятный угольный газ, смешанный с пылью.

Под натиском нашей армии немецкие войска были разбиты под Москвой и отброшены за ее пределы. После этого значительно уменьшились налеты немецкой авиации, что дало нам возможность ломать на дрова свои бомбоубежища, блиндажи и окопы. Заборы вокруг и брошенные сараи были сломаны еще в начале зимы, а в запасе – ни палки дров.

Углем для топки мы были обеспечены, но его надо было чем-то разжечь, потому – ни с чем не считались, когда были разобраны земляные сооружения, принялись за третий недостроенный дом, где были настланы полы и не хватало только крыши и рам; он подвергся постепенной разборке

вплоть до последней поперечной балки и частично толстых кирпичных стен на нужды частных домов деревенских областных жителей.

Не знаю, долго бы мы жили мучаясь холодом в этой комнате, возможно еще десять лет, как вдруг отцу кто-то подсказал, вернее предложил перейти в другую комнату соседнего дома.

Новая комната раза в полтора больше прежней, с двумя печами и тремя окнами, обращенными в сторону Царицыно, до войны служила холостякам как общежитие, и в это время пустовала.

При входе в нее сразу чувствовалось тепло, хотя ее никто не отапливал сначала зимы. Мы тут же собрали незавидные пожитки и перебрались, а через день, отогревшись у двух печей, вздохнули полной грудью, неприятно вспоминая о прошлом жилье-холодильнике.

За остаток зимы мы редко топили вторую печь – тепла хватало от одной, а в последствии голландскую вообще выбросили.

В новой квартире с нами по соседству проживала семья Чеботарева Прокофия, с Анной, маленькой трехлетней дочкой Валею и их племянником Виктором, на два года постарше меня. Мы с ним быстро подружились, и долгое время он был для меня хороший друг и попутчик. Немало километров мы вместе с ним отмахали до царицынской палатки, ходили также за углем, и только благодаря его смелости, беря с него пример, я реже стал посещать место чистки паровозов, стал сбрасывать уголь с вагонов или брать с угольного склада.

Помню, влезли мы как-то на состав, тронувшийся в сторону Царицыно. Уголь попался мелкий. Мы взяли кусок за куском бросать на обочину железнодорожного пути. Поезд под уклон начал прибавлять скорость, надо бы прыгать!

Но, глядя на Виктора, который выбирает куски покрупнее, я тоже остаюсь на месте, чтобы перед товарищем, как говорится, не ударить лицом в грязь. И чем же кончилось?

Виктор прыгнул, перевернулся несколько раз, а я спустившись за ним по лесенке, и глянул вниз – перед моими глазами мелькала земля со слипшимся шлаками. От быстрого хода поезда на стыках рельс кляцали колеса вагонов. Грохот и лязг несущегося состава остановили меня, мне сделалось жутко в эту минуту, и я решил оставить свой прыжок и ехать дальше, поднялся на вагон. Здесь было тише. Состав по ходу изогнулся как змея в правую сторону и со свистом мчался вперед. Через пять минут, не доезжая до станции Царицыно, поезд сбавил ход и я легко спрыгнул, направился в обратный путь, чтобы подобрать набросанное, если за это время не собрал кто-нибудь из посторонних.

Не доходя до места, я увидел Виктора спокойно сидевшего на куче собранного угля, мы быстро загрузили мешки и двинулись домой, разговаривая о его геройском прыжке и неудачном падении.

(Конец пятой главы).

ГЛАВА 6

1.

После разгрома немцев под Москвой в наших домах разместились воинская часть, участница разгрома. Эта часть состояла главным образом из лыжников и конских упряжек с санями. Наступили дни развлечений с солдатами, их рассказов о невидимом нам фронте. Солдаты между рассказов дарили нам из трофеев немецкие карманные фонари и к ним батарейки и разную мелочь, понравившуюся нам.

После ихнего отъезда, а грузились они у нас на станции в товарные вагоны, мы провожали их и на прощание пожелали им счастливого пути, бить крепче немцев и невредимыми с победой возвращаться домой.

Когда состав тронулся, мы вернулись к домам и стали обегать те комнаты и квартиры, в которых они располагались, и собирали все те трофеи, брошенные ими, мешавшие им в пути – это были штыки от немецких винтовок, противогоазы, патроны и лыжи. Мне достались широкие охотничьи лыжи, на которых я две зимы подряд катался с ватагой ребят с горок своего оврага и обрыва противотанкового рва, вплоть до крутых гор местечка, именовавшегося «Ласточка» между Царицыным и деревней Орешково.

2.

Долгая и тяжелая, но также и радостная, зима 1941 года была на исходе. Каждый человек уже на что-то надеялся, хоть до победы еще было далеко, но все-таки наши войска на отдельных участках фронта вели успешные бои и продвигались вперед.

В эту зиму нашу Марусю на один год от завода послали на труд фронт в Тульскую область (забегу немного вперед), через год ее непустили, оставили еще на два года. В 1942 году примерно она приехала, забрала свои вещи, а впоследствии там вышла замуж за шахтера, хорошего мужчину, и о них я упомяну ниже. А пока, во время описываемых мною событий, на дворе стоял конец зимы, но весна еще не наступила, старики это время называют «встречением», то есть, когда зима встречается в весной, а со спортивной точки зрения, зима весне передает эстафету.

Моя мать с отцом с утра куда-то уехали в город, возможно по случаю какого праздника – вряд ли? Может, на рынок? Но, одним словом, их не было дома.

Я, наигравшись с сестренками, уложил их спать, попросил присмотреть за ними соседей, а сам решил прогуляться за углем в новое место, услышанное от людей – у одинокой железнодорожной ветки коксогазового завода, ответвляющейся от главной магистрали у поселка «Горем» и проходящей возле средней 13-й школы. Ветка является как бы границей между деревнями «Пожаркой и Пчелкой», а также между дубовым и сосновым лесом, последний упирался своим правым крылом и тянулся по опушке садов и овощных полей совхоза «Загорье» и «им. Ленина», и дальше на десятки км до города Видное. Там когда-то в спешке разгрузили вагон угля прямо под откос крутой насыпи, по-видимому, этот вагон где-то был нужнее. Уголь занесло

со временем снегом, а весной он начал оттаивать, этим я и решил воспользоваться.

Проходя по одной из улиц поселка, состоящей из частных домов, я увидел, как из одного деревянно-срубленного дома незнакомые мне ребяташки тащили кто – стул, кто – вешалку, третий какие-то игрушки, словом, все то, что было брошено и жильцами и оставлено на попечение судьбы. Окна дома были заколочены крест накрест досками, но двери открыты, по-видимому, кто-то сбил запоры.

Я, глядя на них, решил поинтересоваться и зашел внутрь – предо мной предстала угрюмая картина. Постепенно осмотревшись, с помощью оставшихся мелочей я попытался подумать о той жизни, какой жили люди здесь, в этой комнате. Они, как муравьи, что-то тащили в дом и вот – всему конец. Здоровенный окованный сундук – крышка поднята, внутри старые валенки, старые дамские платья и пиджаки. Все такое пыльное и изношенное. Обои на стенах изодраны и кое-где свешивались своими концами вниз. На стенах висели рамки с фотографиями. Еще больше их россыпью валялось на полу с лицами старых и малых, мужчин и женщин, никому из них в это время ничего не нужно было. Среди них валялись листки «Огонька» с картинками тракторов, цветущих садов и демонстраций Первого мая. В таком же виде находились ученические тетради и книги, сброшенные кем-то с полки на пол.

Протянув руку, я подобрал с пола одну из растерзанных, затоптанных книжек – это была «История древнего мира» для 5 класса. Страшный вид имеют растоптанные книги, растоптанные на полу, на земле, со следами грязных подошв на страницах. Это как с людьми, выхваченными

несчастьем из привычного, из обычного. Так и с книгами, сброшенными с полок, на которых они лежали годами и стояли в полном порядке, красуясь нарядными корешками.

Я ничего с собой не взял, так как считал все это мелочью, чужими вещами, и вышел на улицу с упавшим настроением и мыслью о поднятой книге, и как-то с грустью подумал: «А кто-же в будущем напишет новую историю о Великой Отечественной войне? Немцы? Иль русские?» И почему-то, хоть и тяжело было на душе, но вера была в русского солдата, его командиров, и, конечно, историю придется писать может и не русскому, но в душе свято преданному советскому народу, писателю.

Так, в своих мечтаниях я незаметно дошел до 13-й школы и увидел: на этом пути стоит воинский эшелон с людьми, кухней и крупнокалиберным пулеметом, вставленным в крышу вагона.

Осмотревшись кругом, я выбрал подходящее место и стал набирать уголь в мешок стоящий на санках. По привычке дело продвигалось быстро, оставалось доложить немного и завязать мешок, и вдруг! Что такое? Я быстрее услышал, чем увидел бегущих мимо меня врассыпную солдат от вагонов в сторону, ища какое-либо укрытие, но тщетно, так как кругом был открытый луг со впереди стоящим забором усадьбы Башканковых. Я, еще не понимая в чем дело, оглянулся на эшелон и сразу в воздухе увидел два двухмоторных самолета «хейнкеля» тихо летящих слишком низко над землей в сторону эшелона со стороны Каширы.

В это же мгновение навстречу непрошенным гостям из вагона застучал крупнокалиберный пулемет. Это был ужасный момент. Я, сломя голову, бросился бежать прочь от насыпи, но шагов через 15 всаился в какую-то яму, по-видимому, кювет и тут же почувствовал боль в ноге. Преодолевая боль, я все-таки стал выбираться из вязкого, глубокого снега,

но не смог вытащить ни ту, ни другую ногу. Я решил, что пропал, так как чувствовал – не выбраться из этой ямы, мое положение было незавидным (как у зайца в капкане) и, поняв свое безвыходное положение, я оглянулся назад. Ненавидистые самолеты с черной свастики один за другим, плавно, не спеша, будто издеваясь над пуле-

метчиком, уже летели вдоль состава, наклоняясь на правое крыло и держа путь прямо над крышами эшелона в сторону совхоза им. Ленина через лес.

Пулемет надрывался, изрыгая пламя, и в эту минуту, когда под хвостом самолета остался последний вагон эшелона, хотелось кричать стрелку: «Дяденька! Ну что же ты! Прицелься получше, сбей его!» Чтобы это был последний вылет чудовища, на плоскостях которого отчетливо были видны страшный черные кресты. От них несло средневековым, псами-рыцарями, пожаром в древнем Пскове, виселицами и плахами. А сейчас вот висели над головой два бронированных хищника, сеющих смерть и разрушения.

Временами казалось, что один из них вспыхнул, падает, но, увы! Это был мираж и обман зрения. Они также спокойно улетели как и прилетели. Пулемет замолк, солдаты стали возвращаться в вагоны, а я, утопав снег, вылез из своей ловушки и двинулся спокойно домой.

Как я хотел бы в ту минуту отблагодарить тех железнодорожников, и, в первую очередь, дежурного диспетчера со станции, благодаря, конечно, ему, под эшелон быстро подо-

гнали паровоз, и тот утащил его по другую сторону станции.

Буквально через считанные минуты после того, как утащили состав, появился еще один самолет; я не знаю, был ли он из двух первых или третий, он также низко пролетел над пустым полотном и улетел тем же маршрутом, а я тем временем находился вдали от полотна и тащил свои санки, и, оглядываясь назад, думал: почему они не сбросили бомбы? Ведь было же так низко. После немного выяснилось: эти самолеты будто бы уже отбомбились раньше, за два километра от эшелона, бросая бомбы на железнодорожный путь перегона Булатниково-Расторгуево, и ни одной из них не попало в цель. Почему я только не слышал взрывов бомб, я до сих пор не пойму. Возможно, ветер был с нашей стороны, или же рельеф местности мешал, тем более, я находился внизу насыпи, по другую сторону, и все это вместе взятое не донесло до моего слуха разрывы фугасных бомб.

3.

Когда весна подходила к концу, а лето еще не наступило, после таяния снегов и бурливых ручьев, когда рядом с фасадами домов подсыхала земля, а оголенные склоны оврагов покрыты плешинами сухой травы, а свежая еще не появилась, мы один по одному (за другим? все вместе?) собирались у фасада второго серого дома под ласковые лучи весеннего солнца. Здесь мы играли в пристенку и расшибалку на медяки – они в то время, когда кусок черного хлеба на рынке стоил десятки рублей, не имели большой ценности. Наигравшись, шли в овраг, рвали сухую прошлогоднюю траву, складывали в кучу, а внутрь ее закладывали винтовочные патроны. Затем, немного отойдя, поджигали траву, стоящую на корню. Она тут же вспыхивала как порох и, вслед за дуновением ветерка, пламя сантиметр за сантиметром подвигалось к куче с патронами. А мы в это время

отбегали и прятались где-либо в укрытии – за буграми, в лощинах, наблюдая, как огонь, дойдя до кучки сухой травы с патронами вспыхивал, а через минуту начинали рваться патроны, издавая иногда часто слитую пулеметную дробь.

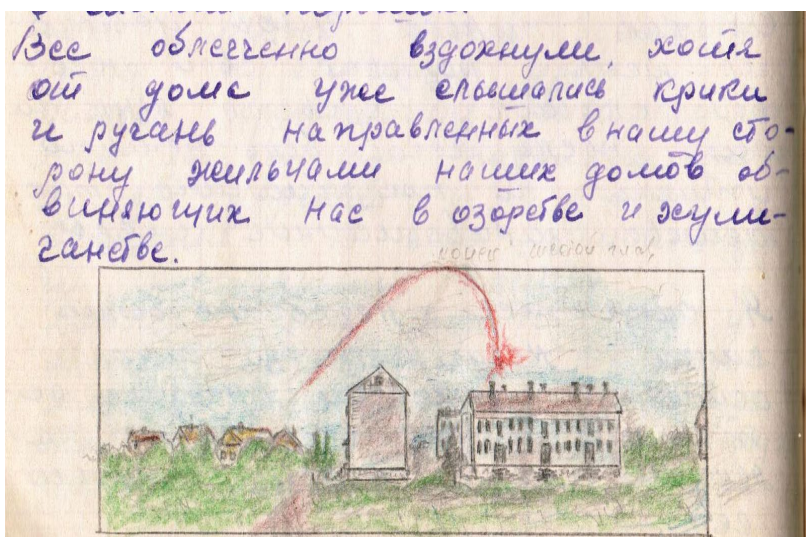
Только прекращались выстрелы, мы один за другим подымали головы из-за укрытий и с опаской спешили к еще дымящемуся и раскиданному костру. Бывало, что когда мы уже находились у костра, неожиданно раздавался хлопок запоздавшего патрона. Так, однажды, подойдя к потухшему костру, я увидел два неразорвавшихся патрона. Я нагнулся и протянул руку, собираясь их взять, а Гаврилов Афоня копнул золу ногой, и в тот же миг раздался взрыв с разлетевшейся пылью, вдарившей в лицо. Я отшатнулся назад и, протерев немного глаза, почувствовал боль на правой руке в указательном пальце, а, когда взглянул на него – перед глазами поплыли черные круги – рука была в крови. Мысль не о боли, а о том, что я лишился пальца, и что об этом скажет отец, дало повод горьким слезам.

На эту беду со мной рядом был мой лучший друг Виктор. Он один не растерялся и, схватив меня за руку, подтащил к ручью и как санитар-самоучка обмыл и промыл рану – в ране была видна кость. Он, как только смог, успокоил меня, разорвал свой носовой платок, перевязал мне палец, после чего боль немного утихла и прекратились так дешево заработанные слезы.

Я отделался легко, но были случаи, когда из-за такой детской шалости ребята оставались на всю жизнь калеками или вообще теряли ее.

Один раз чуть было не подожгли свой дом из ракетницы. Не помню кто стрелял – выстрел был сделан под ветер в сторону дома. Мы видели как ракета, сделав траекторию, как бы повисла в воздухе на одном месте, а затем медленно стала опускаться на крышу серого дома, сверкая своим

ярко красным огнем и рассыпая по сторонам сотни трескучих искр, оставляя за собой след, узкую полосу дыма. Мы смотрели на этот трюк с замиранием сердца. Уже некоторые из ребят бросились бежать кто куда, некоторые только намеревались, но на счастье ракета не долетела до крыши, покрытой толем считанные сантиметры, сторела и рассыпалась в мелкий порошок. Все облегченно вздохнули, мы уже слышали крики и ругань жильцов наших домов, обвиняющих нас в озорстве и хулиганстве, направленные в нашу сторону.

Пусть луч серебрянный потерян,
Пусть хмурится небо сильней,
Мы в солнце горячее верим
И в сумраки летних дождей.

ГЛАВА 7

1.

Скучной в эту весну 1942 года выпала пасха. Стол уже не ломился от съедобных яств, которые мать заранее готовила к этому празднику, собирая с молока снимки, экономя яички и в отдельный мешочек собирая шелуху лука для окраски пасхальных яиц.

Голод и нужда как хищные шакалы рыскали повсюду, в каждой семье, очистив кухонные столы и подобрав все крохи незначительных запасов. Но люди не падали духом и продолжали жить и работать, как говорили в то время – «ковать железо для фронта».

Голод есть голод, он заставляет людей быть сообразительными и находчивыми. Так и наш отец, поразмыслив, вспомнил о прошлой крестьянской жизни и решил: есть один выход – надо копать огород. Для меня между прочим это было интересным и заманчивым делом. Но, если бы я знал, сколько сил, энергии и труда нужно вложить в огород, чтобы вырастить хоть бы такой простой овощ как редиску.

Заняли мы участок напротив дома, принялись копать, за нами последовали остальные жильцы, а уже через несколько дней все зеленое поле и луга вокруг наших домов пестрели разноцветной одеждой людей и вскопанной рыжей землей.

Отцу показалось этой земли мало, занял еще и еще, и в

середине лета у нас насчитывалось четыре огорода, разбросанных с каждой стороны дома по одному. Когда вся земля была уже занята, запоздавшие люди взялись заваливать разобранные бомбоубежища и ямы, от которых осталось одно воспоминание, да рыжая глинистая земля, выдававшая их зигзагообразную форму, до тех пор пока не появились огородные зеленые долгожданные всходы, на которые люди возлагали большие надежды в осеннюю пору.

Мать из-за огорода и полосы участка для сена оформилась на работу в наш питомник, где и проработала несколько лет.

Читатель, я не буду подробно описывать, какие силы нужно было затратить нам, чтобы штыковой лопатой перевернуть всю эту землю. Я не вдавался в математику, но на мой взгляд, вряд ли полноценная лошадь могла вспахать за день эти участки. А мы, можно считать, вдвоем с отцом не разгибались все лето.

Маруся была в Тульской области на шахте. Алексей работал и жил у бабки в Коломенском, домой приезжал редко. Но ему нужно отдать должное за эту огромную и беспредельную помощь, которую он оказывал в то время семье и, возможно, только благодаря его помощи мы перебились это лето и выжили.

Мать редко занималась с огородом, так как наработавшись в питомнике и придя домой, занималась с малыми детьми, стиркой, чего-то стряпала из лебеды и крапивы. Отец работал сменами, времени свободного от работы было в достатке, и я, одиннадцатилетний ребенок, должен был вместе с отцом, не разгибаясь, в поте лица отдавать все свои силы для семейного блага.

Я не мог даже отойти далеко от огорода. Отец следил за мной, чтобы я не отлынивал от работы. А в последствие, когда догадался, что я отлучаюсь курить, положил на межу, разделяющую наши с Самсоновым огороды, пачку папирос «Путина» и велел курить при нем. Я думал, что он шутит и сейчас будет бить, но видя его хорошее расположение и усмешку на его лице, я взял в руки пачку с папиросами, достал одну из них и, не стесняясь присутствия отца, да боясь, как бы он не передумал, не спеша сунул ее в рот. Отец поднес горящую спичку, и мы закурили, оба сладко затягиваясь и выпуская дым изо рта. Вот здесь я почувствовал себя мужчиной, так сказать равноправным с отцом. А ему, по-видимому, в страдную пору было не до моего курения, ибо заботы об огороде и его своевременной посадке его больше тревожили, чем мое курево.

Впоследствии мы с ним из года в год сажали табак. Своевременно поливали, обрывали с него желтый цвет, и, когда не было курева, подбирали засохший у стебля табака лист, растирали его в ладонях, сворачивали, можно сказать, цигарку – и до чего ж был крепок самосад!

2.

Немало труда приходилось отдавать картофелю. На посадку семян не хватало, да и откуда им быть, но все же помаленьку собирали, кое у кого в ход шли и тонко резанные очистки картофеля. И я бы сказал (забегу вперед), урожай осенью был собран неплохой. Возможно, ему поспособствовала целина, которую мы вскопали или хорошо унавозили и в добавок несколько раз с отцом вдвоем ходили в тупик станции Царицыно, где с давних пор осталась лежать выгруженные из вагона удобрения, тонким слоем прибитые и размытые дождями и снегом, и мы набирали, вернее, снимали с земли тонкую пленку этого порошка и насыпали в

мешки столько, чтобы можно было донести до огорода, и каким казался долгим и трудным этот путь с перекинутым через плечо мешком, перевязанным надвое.

После рассыпали по участку. Вскapывали землю и ... только досадим последнюю грядку четвертого огорода, а на первом пора okучивать, а затем второй, и так по порядку, а там – посадка капусты и других овощей... Ежедневная поливка и прополка, которые отрывают уйму сил и времени...

Сейчас даже не хочется вспоминать, но приходится. С какой я ревностью и завистью смотрел на своих сверстников, игравших в разные игры и полоскавшихся в пруду, избавленных от этого неребьячьего труда.

У людей тоже были участки, но не такие громадные, и они управлялись быстро. Мы же со своих участков земли собирали осенью одного только картофеля до 52-х мешков, солили капусты – две двухсотлитровые бочки, не считая других овощей, и всего этого хватало до весны и не больше.

3.

Недалеко от нашего дома рядом с центральным огородом находилась земля, арендованная под огороды Царицынским отделением связи. Сбоку этого участка оставались брошенные окопы и яма от прожектора, который был вывезен с начала весны, так как налеты авиации прекратились.

Мой отец на одном из этих участков познакомился с интеллигентным, порядочного поведения старичком. Он имел ученую степень, преподавал где-то на заводе Сталина (ныне Лихачева). Сейчас не помню, что именно он преподавал и по какому предмету, лишь знаю, что за час занятий ему платили хорошую сумму к зарплате.

Звали его Иван Федорович Данченко. Жил он в Москве и имел отдельную квартиру из 3-х комнат в Стремянном переулке, недалеко от Строчиновских бань. Семья его состоя-

ла из трех человек – жены педагога Евгении Григорьевны и дочки Катюши, примерно 22-х лет, которая работала где-то в одном московском институте. Был у них еще сын Толя, которого перед войной, 12-летнего, сбила машина, когда он катался на велосипеде. Я бывал у них несколько раз на квартире, отвозил картофель, завозил удобрения из магазина и выполнял другие поручения.

Вместе с участком земли Ивана Федоровича располагались участки его родственников: Ивана Григорьевича, начальника Царицынского отделения связи и Юрия Александровича, работавшего в каком-то крупном учреждении гор. Москвы. Иван Григорьевич и Юрий Алексеевич жили в Царицыно рядом с дворцом Екатерины Второй, от которого если идти по старинному кирпичному мосту в сторону Москвы, то его противоположный конец упирается в ворота с калиткой ихнего двухэтажного деревянного дома и двора, утопающего в цветах жасмина, георгинов, хризантем и лилий.

Цветами увлекался и разводил их Юрий Александрович и вдобавок неплохо пользовался фотоаппаратом. Его работа – наш семейный портрет вместе с отцом и малышами сохранился до сих пор.

На летний сезон в этот дом переезжал Иван Федорович, где он также имел свою половину в несколько комнат, обставленных старинной дубовой мебелью и убранной со вкусом Катюши и Евгении Григорьевны, которая была сестрой Ивана Григорьевича и Олимпиады Григорьевны, жены Юрия Александровича.

Мой отец познакомился с ними, вошел в близкие отношения с этими людьми. Они все были почти одного возраста, одинаково седые, и в их отношении друг к другу чувствовался один и тот же характер.

В это время отцов пыл как бы поутих, он стал постепеннее.

Вновь знакомые нам люди просили отца о помощи, так как были одиноки. Им трудно было обрабатывать свои участки, ибо ихние жены не были приспособлены к физическому труду, тем более к земляным работам, и притом уже были в годах, кроме жены Ивана Григорьевича, Татьяны Алексеевны, но она была на огороде лишь один раз, во время уборки урожая.

Так вот нам с отцом по договору с ними приходилось обрабатывать общими усилиями ихние участки вплоть до приусадебной земли у ихнего дома в Царицыно.

Здесь мы окапывали сад, рыли подвалы, перебирали картофель, подготавливали почву для огурцов и будущих цветов, в их цветение и по сегодняшний день вложен и мой незначительный труд, это и моя заслуга.

Во время очередного отдыха между работой Иван Федорович рассказывал мне разные очень интересные эпизоды из своей жизни, и не только о дворце Екатерины Второй и его зодчем ..., но и о старой Москве, а также, о писателях и книгах.

В оконцовке разговор подходил к тому, с чего обычно и начинался – к огороду. Они обычно клубни семян картофеля, которые приносили в мешках, высчитывали на штуки – сколько штук пойдет на посадку каждого из ихних участков, находившихся у нас в Бирюлеве. После посадки оказывалось, что с каждого участка оставалось по 10–15 штук семенных клубней картофеля.

Это было хотя и не сложная арифметика, но умно измеренная и решенная, не создающая для людей лишней затраты сил на то, чтобы взад-вперед носить одну и ту же тяжесть.

Мне нравилось ходить к ним, так как среди благоухающих в саду разноцветных цветов, тем более, после сытного обеда (обычно за столом Ивана Федоровича), состоящего

в такое тяжелое время из стопки хорошего вина (для отца), отварной свинины, пчелиного меда к чаю и еще душевно-вежливого обращения со стороны Ивана Федоровича и всей его небольшой семьи и остальных родственников, указанных выше, как-то забывалось о войне и усталости.

Обычно, уходя домой, Юрий Александрович брал садовые ножницы и нарезал мне букет цветов, который я нес осторожно, чтобы не осыпались, оберегая их от пыли, как будто хотел продлить этим ихнюю жизнь. Когда я проходил улицами Царицыно, на меня многие прохожие как-то странно смотрели, а в чем была причина? Я только догадался впоследствии. Эта причина была в разнице между моей такой заношенной и потрепанной одеждой – с плеч старшего брата Алексея, в конце концов перешитой умением ма-

тери на мои плечи, и таким изящным, переливающимся всеми красками букетом цветов. Конечно, одежда выглядела невзрачно по сравнению с ним, но что было делать – цветы за пазуху не сунешь, а в комнате, признаться, цветы радуют душу. Я с этих пор еще больше полюбил цветы, и оных я еще коснусь главами ниже.

4.

Все-таки летний сезон дождей и солнца давал мне урывками свободные и счастливые деньки.

Выпадали дни, когда я был свободен от сестренки в то время, когда дома находилась мать. Огород, когда не было

дома отца, отменялся, и не надо было смотреть за скотиной. Ягнята, по-прежнему, находились на привязи, и их требовалось только попоить и присмотреть, чтобы не запутались в веревке, вовремя развязать и распутать, да перевязать с места на место, вернее, просто перенести кол, удерживающий их, на другое место.

На это я всегда находил время, в крайнем случае просил кого-нибудь из соседей, имеющих также ягнят. Но одна беда была и дума в голове, о том, что если какой ягненок оторвется или выдернет кол, то считай тогда – пропал, так как огороды были рядом. Поэтому, прежде чем оставлять их одних на продолжительное время, я вбивал кол, как говорят, насмерть. Только убедившись в том, что все сделано как нужно, и, чувствуя долгожданную минуту свободы передвижения, я старался уйти от дома подальше, к своему так полюбившемуся мне лесу. Находясь в его тени, с беспрестанно меняющимися пейзажами и красками листвы, я забывал как-то обо всем, что уже давным-давно надоело и, прямо сказать, опостылело.

Ходил я гулять вместе со своими товарищами Гончаровым Васей, Лысенко Иваном, братьями Пермолотовыми Иваном и Лешей, с Иванисовым Иваном и иногда брали с собой его сестру Машу.

Это были брат и сестра сироты. До войны у них умерла мать, через некоторое время отец привел им новую мать (мачеху). Но началась война, отца взяли на фронт, а мать в скорости после его ухода родила ребенка, и, взяв его с собой, покинула их обоих, оставив на произвол судьбы 10 и 12 летних детей. Но, как не тяжела была их участь, все-таки они выжили, и о них я еще скажу пару слов ниже.

Виктор как всегда находился там, где много было ребятшек, где можно было с кем-нибудь позабавиться, блеснуть своей остроумной выдумкой и геройством, что ему всегда удавалось.

Мы уходили шумной ватагой, с надеждой на приключения, ожидающие нас в новом походе среди живой природы зеленого уголка нашего поселка Бирюлево, к которой у нас, детворы, с ранних пор так было много любви и романтики.

Мы проходили безлюдными улицами деревни Пожарки. Лишь изредка из чьего-нибудь двора слышался злобный лай собаки, да кто-нибудь из старушек с малым дитем копались в своем саду и огороде. Остальные жители были на работе или в поисках пищи. Война заставила работать всех, и каждый человек придерживался пословицы «Волка ноги кормят». Эту пословицу часто можно было услышать в то время от взрослых.

Пройдя последние дома на окраине деревни, граничившие с обширной усадьбой агронома лесопарка Алексея Михайловича. Его усадьба, стоящая за высоким забором, кругом обсаженным колючим боярышником, охранялась лютыми собаками, она утопала в цветах, в саду висели крупные налитые яблоки разных сортов и плоды других фруктовых деревьев.

Многие из нас зарились на эти фрукты, не говоря уже о Викторе, который несколько раз пытался преодолеть этот неприступный забор-крепость, но каждый раз из-за свирепых сторожевых собак, оглашавших воздух своим залихватским пронзительным лаем, его преследовала неудача за неудачей.

Напротив дома агронома, по другую сторону Коммунистической улицы, стоял, как бы замыкая улицу, у самого оврага стоял дом Новиковых с бедненькой усадьбой, без единого кустика или фруктового дерева, за исключением вишен, скособоченным сараем, и огородом с картошкой да репчатым луком.

За углом Новикова дома дорога сворачивала влево под уклон оврага, из которого, выбравшись наверх, в двух шагах плескались тихие воды леснического пруда, который сейчас зовут «шоколадным» из-за присутствия в нем взба-

ламученной глины. Но в это время года вода его была чиста и прозрачна, отливая зеленоватым цветом от вокруг склоненных кустиков и деревьев, растущих по его берегам. Они нежно наклоняли свои ветви к спокойным и тихим водам глухого как омут, пруда, дальнем конце на мелко-

воде поросшего кувшинкой и осокой, откуда раздавался неугомонный хор и кваканье пучеглазых лягушек. Мы с восторженным криком снимали с себя до последней одежды и бултыхались солдатиками в воду, кто нырял, а кто и постепенно заходил в воду и неожиданно приседал, затем со всеми вместе продолжал плавать и играть в салочки.

Накупавшись вдоволь, посвежевшие, заходили в лес, он был рядом, влево отходил питомник, вправо – старый лес, начинавшийся с дубняка, затем в его ряды постепенно вклинивались стволы лип, осины, орешника и разного другого кустарника. Мы лазали по деревьям, собирали желуди и делали из ихней чашечки свистки. Чашечку вставляешь между указательным и средним пальцами, и, дуя через нее в конец чашечки, получаешь свист. В орешнике рвали еще зеленые, не созревшие орехи, одновременно собирали грибы и очень мало земляники, которую находили редко, а, найдя, срывали и здесь же отправляли в рот, но усика два-три покрупнее я оставлял сестренкам, как бы в виде подарка или гостинца от невидимой лесной королевы.

Среди кустарника мы отыскивали птичьи гнезда, но их не трогали, так как знали от старших, а больше друг от друга, что, если возьмешь и даже взглянешь на яички, лежавшие в гнезде, птичка не будет на них сидеть и не выведет птенцов. И мы их не брали в руки лишь потому, что боялись за них –

если один возьмет подержать одно из яичек, значит и другой также, и все остальные. Поэтому предупреждали друг друга, чтобы не брать, хотя каждому хотелось потрогать голубые с крапинками яички. Некоторые даже заявляли, что у них на ногах цыпки, надо бы их помазать птичьим яйцом. Я не знаю, была бы от

этого какая польза, мне не приходилось пользоваться таким средством, но, глядя, как вокруг нас летает с писком птичка, хозяйка гнезда и мать будущего потомства, мы, жалея эту пернатую пичужку, уходили с этого места, оставляя гнездо нетронутым, в полной сохранности.

В следующее наше посещение, через несколько недель, мы заглядывали в знакомое нам уже пустое гнездо. Зато лес был насыщен веселым щебетанием и трелями птиц, и конечно, среди них были и те, которых мы сохранили еще в начале лета, не используя на помазку цыпок. А цыпки вещь такая – придет время они сами пройдут.

Блуждая по лесу в поисках все новых и новых забав и приключений, кто-нибудь из нас вносил предложение сходить в сад совхоза «Загорье» за яблоками.

Сад находился, как я уже говорил, за железнодорожной веткой коксогазового завода и, разделяющим сосновый бор и сад, небольшим овражком. Но сходить в сад это было не простым делом, этот сад был не собственный. А потому, мы, соблюдая маскировку, высматривали, где находится сторож и объездчики и, видя, что опасности нет, в спешке подбегали к недалеко друг от друга растущим яблоням и трясли их пока не набивали спелыми плодами карманы и запазуху, и лишь только тогда

также уходили. Но чаще, где-то между стволов показывался сторож, где-то недалеко раздавался его тревожный свисток, мы срывались с места и в панике бежали в так хорошо маскирующий лес между стволами деревьев и частым кустарником, до тех пор, когда уже чувствовали усталость в ногах, всем теле, и убедившись в том, что погони нет, опасность миновала, останавливались и переводили дыхание.

Затем садились в тесный круг, считали у кого сколько яблок, пробовали – у кого они кислые или сладкие и смеялись над теми, кто с перепугу бросил или нечаянно рассыпал свои яблоки в паническом беге.

Находясь все вместе, мы все же осматривались по сторонам и прислушивались к неожиданным шорохам, ведь погоня могла застать врасплох. Поэтому долго не задерживались, быстро собирались и отправлялись в обратный путь.

Я редко лазал за яблоками, так как больше предпочитал черную смородину и хорошо созревший крыжовник, и притом в их кустах надежней можно было укрыться от преследования.

Однажды, лазая по лесу за разными забавами, мы вышли к дальней и тихой заводи царицынского пруда.

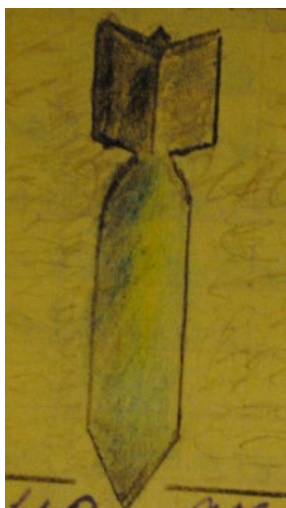
Тело чесалось от укусов разной мошкары, прилипшей паутины и ссадин. Чтобы освежиться, смыть с себя пыль, мы быстро разделись и бросились купаться. Вода, нагретая за день, была тепла и приятна, сверху мирно светило ласковое солнце.

Я нырнул с берега вниз головой, а, вынырнув из воды, глотнул воздух и оступился на дно. И тут под ногой у себя почувствовал какую-то трубу... Я, как и всегда в таком случае, как сделал бы каждый мальчишка, для интересу и чтобы другие не могли об нее ушибиться, решил ее вытащить. После нескольких неудачных нырков мне удалось ее схватить и оторвать ото дна. Вынырнув на поверхность воды, я поднял

свою находку над головой и когда после погружения в воду открыл глаза, то сам себе не поверил – в моей руке была зажата зажигательная бомба.

Я не знал, может ли она вспыхнуть в моих руках или нет. Я плотно зажал ее в кулак в вытянутой руке под общее громкое восклицание ребят и направился к берегу.

Осторожно шагая по илистому дну с вытянутой рукой, перед собой я видел впереди себя только два предмета – ребяташек на берегу и бомбу.

Выйдя из воды на берег, положил ее тихонько на траву и только здесь почувствовал полное облегчение и вздохнул полной грудью воздух. А со всех сторон уже поступали предложения, что с ней сделать. Но мы с Виктором вдвоем имели только на нее право, да и местность не позволяла ее взорвать, и мы оставили ее в покое до более удобного случая.

Накупавшись вдоволь, через поля, кратчайшим путем мы двинулись домой, попеременно неся серебристо-опасный металл в виде трубы с железным хвостовым наконечником.

И вот случай выпал. Как говорят «на ловца и зверь бежит». Придя домой, мы с Виктором спрятали бомбу у себя в коридорчике за старые ведра и разный негодный хлам, а сами вошли на кухню, где его тетка и моя мать готовили ужин.

Они проклинали сырые дрова, плохо горевшие в плите и нас в придачу, гнали из кухни, чтобы не мешались у них под ногами. Кастрюли парили, но кипеть не хотели. И как нас ни гнали с кухни, но разве можно было уйти, когда кругом разносился запах крапивных щей и каких-то оладьев из

отрубей и картошки. И мы, набегавшись до потери сознания и проголодавшись до предела, рады были хоть этому осязаемому носом запаху.

И вот здесь у Виктора родилась идея, как сделать, чтоб быстрее варился ужин, которую мы тут же воплотили. Взяли топор, молоток, достали из укромного местечка бомбу, положили ее боком на жало топора, редкими ударами по ней молотком с трудом отрубили два маленьких кусочка металла (фосфориты), и, выждав, когда на кухне никого не было кроме нас, бросили их в железную кухонную печь.

Ждать пришлось долго, а когда ждешь, время, как нарочно, тянется медленно.

Через определенные промежутки времени мы заглядывали в дверцу топки, металл постепенно краснел, потом вдруг сделался белым, а затем цвета лучей электросварки, невозможно было заглянуть в топку. Чугунная плита местами накалилась добела. Кастрюли чуть ли не попрыгали с нее под общее беспокойство женщин, которые не могли понять, откуда смог взяться такой жар и высокая температура в печи.

Кастрюли пришлось поснимать, а некоторые и отставить в сторону, на край плиты. А мы, перепугавшись, стояли в стороне, наблюдая как его тетка и моя мать носятся по кухне, не понимая в чем дело.

Все может быть обошлось без свидетелей, но фосфорит начал плавиться и протекать в такой же, как и сама плита, железный выдвижной поддувал, находящийся невысо-

ко над полом. Пол начал краснеть, а затем и задымил, вот здесь, поневоле, пришлось брать ведро с водой и поливать на пол до тех пор, пока не сгорели эти куски, и тем самым мы были изобличены. Но ужин был готов, все довольны, а для нас в придачу это стало хорошим уроком на будущее. Сгоревший поддувал в скором времени выбросили.

(Конец седьмой главы.)

Любовь и страсть моя
к книгам зародилась
Еще до школьной скамьи.
низенькой скамьи

(соб.соч.)

ГЛАВА 8

Поздним летом в один из теплых солнечных дней я возвращался из Царицына в приподнятом настроении, так как продукты были получены и, вдобавок ко всему, зайдя в книжный магазин, на оставшиеся деньги купил две книжонки.

Это были мои первые копеечные книжки, которые я берег чуть ли не десяток лет, перечитывал их снова и снова, пока не ушел в армию, а когда вернулся, их уже не стало, так как были порваны младшими братьями и сестрами.

Это были мои первые новенькие книжки, купленные самостоятельно: «Лесная быль», рассказы про Великую Отечественную войну, и вторая – «Конек-горбунок», автора Ершова, начинавшаяся так:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,

Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села...

Страсть к книгам появилась у меня еще в раннем детстве, когда я впервые увидел большого формата книгу с картинками для детей дошкольного возраста – сорок голубей и разных птичек. Я еще не учился и читал по слогам, а после, когда уже ходил в школу, взял однажды в библиотеке и перечитал вновь. Я сейчас не помню, как она называлась, лишь сохранил в памяти слова из стихов...

Ой гулюшки, гулюшки...
Прилетали гулюшки,
На крышу садились,
Стали кашу варить, Ваню кормить.

И вот держа эти две книжки за пазухой, пахнущие еще типографской краской, я с радостью и восторгом шагал босяком по пыльной, неровной царицынской дороге, пролежавший через зеленый лесистый массив вековых сосен и сбегая и поднимаясь по крутым склонам двух оврагов, постепенно переходящим в поле.

Идя по дороге серединой поля, откуда был уже виден наш двор, я заметил недалеко от дороги грача, который сидел спокойно, время от времени поворачивая голову в мою сторону, и не хотел улетать при моем приближении. Поравнявшись с ним, я направился к нему, он не взлетел, а стал спасаться бегством, прыгая с кочки на кочку. Я, видя, что он ранен и не в силах летать, поставил сумку на землю и после небольших усилий поймал его, отделавшись небольшими царапинами от его большого клюва и острых когтей.

Я принес его домой. Виктор, увидев грача, сразу сообразил, что с ним делать, а я ему не мог отказать, да и сам поль-

стился на мясо, которое не помнил в то время, когда последний раз ел.

Взяли мы кастрюлю, соли, набрали воды и пошли в третий разобранный дом, где остались одни лишь голые стены, да и те местами, как я уже писал, были растащены местными жителями. В компанию к нам набились еще ребята, кто-то принес картошки. В одном из отсеков дома разожгли костер и, пока вода грелась, Виктор разделал грача, мы очистили картошку, и заложили все в воду. Пока шла веселая беседа, варка нашего супа подходила к концу, вдруг за окнами послышались какие-то голоса, и, видим, в дверной проем заходит старушка в сопровождении знакомых нам мальчишек. Какое же было наше удивление, а больше испуг, когда услышали, что она ищет пропавшую курицу. Мы показали ей перья грача – она не верит. Показали голову – не верит, и только когда приподняли крышку кастрюли и вытащили за булдыжку кусок мяса, она успокоилась и, причитая что-то свое о курице, вышла на улицу.

Когда смолк разговор за окном, мы немного успокоились и принялись за трапезу в квартире без крыши, и до чего же был вкусным и жирным был душистый бульон, который мы хлебали металлическими и деревянными ложками прямо из кастрюли без хлеба и сухарей. И вдруг, откуда не возьмись, над нашей головой послышался вой падающей фугасной бомбы, сброшенной с самолета. Ложки неподвижно замерли в наших руках, так как этот душераздирающий вой нам был уже знаком, и мы, вобрав голову в плечи, не тронулись с места.

Я сразу по звуку определил, что бомба падает именно в наш отсек, в котором мы находились. Не знаю, кто о чем думал в эту минуту, но я решил, что бежать бесполезно, все равно засыплет кирпичом.

По-видимому, голые и высокие стены дома задерживали и направляли к нам вниз звук от падения бомбы. Так продолжалось несколько секунд, и за эти секунды мысли работали с молниеносной быстротой, внезапно прерванные потрясающим взрывом, долетевшим до нас со стороны Царицыно.

Фугасная бомба упала в 6 км от нас на небольшой деревянный дом недалеко от старой больницы и огуречного поля на краю Царицына.

(Конец восьмой главы)

Хотел бы в единое слово
Я слить свою грусть и печаль.
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес ее вдаль.

ГЛАВА 9

1.

Осень 1942 года, урожай с огородов был собран и убран в погреб, вырытый с помощью Алексея в сарае, где до этого стояла автомашина из под прожектора.

Надо отцу отдать должное за его труд, который он вложил за се годы войны. За этот год он как-то обмяк, сделался внимательней и обходительней по отношению к семье. Он беспрестанно работал на производстве, откуда вез и тащил почти ежедневно объемистую сумку выписанного по наряду угля, так как привезти было не на чем.

Он не считался с тем, что поезда были переполнены народом и приходилось иногда в зимнюю стужу ехать на буферах и переходных площадках вагонов. На рыбокомбинате по ордерам выдавали рыбные отходы, он регулярно получал их, и часть этой рыбы шла на обмен на хлеб. Он не видел ни минуты отдыха дома. Все время крутился в огороде, по межам и оврагам, подкармливая коз. Он очень любил и ухаживал за скотиной, и, собственно говоря, козы нас обеспечивали молоком, заменявшим все виды масла, так как щи из лебеды или свекольник за неимением масла забеливали молоком. Жарили картошку тоже на молоке, а в осенне-зимний период на столе появлялось мясо. Отец неплохо разбирался в сельском хозяйстве, и урожаи всегда были отличны, за исключением (забегу вперед).

В лето 1943 года отец купил рассаду капусты на царичинском рынке. Мы ее посадили на том же участке, где обычно, так как этот участок был сильно унавожен и рядом с ним была нами вырыта яма, в которую после дождей стекала вода, а нет – таскали из пруда, в ней мы размешивали коровяк, и им поливали молодую рассаду до тех пор пока не завяжется кочан. В это лето судя по времени завязи кочанов должны уже были давно появиться, но их не было. Мы продолжали собирать коровяк по пожарским лугам и оврагу, замешивали раствор и, как по расписанию, поливали участок рано утром и поздно вечером.

Загадочная капуста с каждым днем тревожила отца, чувствовалась его переживания. И когда на свой участок приехали наши знакомые Иван Федорович и Александр Юрьевич, отец поделился с ними своим беспокойством и сложившейся ситуацией.

Когда они посмотрели на наше (чадо) капусту, на высокосидящей над землей кочерыжке с далеко протянутыми в сторону листьями и объяснили, что эта капуста называется кольраби и считается очень ценным овощем, но только не по нашему военному времени, так как она приготавливается и подается к столу с языками, сливочным маслом и другими специями. Они посоветовали отцу, пока не поздно, вырвать ее и посадить настоящую, белокочанную, время еще не ушло.

Так мы и сделали. Сначала загнали на этот участок коз, которые с удовольствием разделались с ней и с нашими зря растраченными трудами, но насколько корней мы оставили для интереса и посадили новую – раннюю. Мы наблюдали как «чадо» наше растет и набирает силу. Постепенно вместо коча-

нов у нее от высокой кочерыжки образовался шар, со временем увеличиваясь все больше и больше. И я сейчас, как только увижу на картинке первый советский искусственный спутник Земли, невольно вспоминаю «кольраби».

Да! Действительно, если этому светло-зеленому шару обломать листья, которые растут не из кочерыжки, а именно из плотной шарообразной формы капусты, он будет похож на маленькую модель первого спутника Земли, а его заусенцы от сломанных листьев на антенны. Впоследствии мы с ней что только не делали: варили, жарили на молоке, пекли в духовке, пробовали сырую – никакого вкуса, лишь только для скотины.

2.

В школу в этот год не ходили. Она часто занималась под жильё воинскими частями. И мы, молодежь, освобожденные от всех работ, кроме магазина и добычи топлива, которое стали добывать, начав ломать полы пустого барака до толстых половых балок, в которые цепочкой забивали молотком винтовочные патроны, а потом, надставив скобу на капсулю, ударами молотком по скобе, патрон разрывался, балка давала трещину и так, до тех пор, пока совсем не разудваивалась. Заготовив дров, одевали лыжи и уходили в овраг, лазая и съезжая с одной горы на другую. Что было за время? Почти у каждого мальчишки – трофейные лыжи, мази для них в достатке и овраги не пустовали, всегда были забиты веселой, смеющейся детворой, за исключением тех, кто неудачно прыгнул с трамплина, поломал лыжу или ушибся. Да после того, как накатавшись до предела, уставшие и голодные, еле передвигая ноги, иногда держа лыжи в руках, брели домой обессиленные, но довольные собой и прогулкой.

3.

После нового 1943 года в наших домах расселилась воинская часть победительница, разгромившая немецкие полчища под Сталинградом.

Эта часть уже состояла не из лыжников и конских упряжек как в 1941 году, а это была уже механизированная гвардейская часть. Студебеккеры на резиновом ходу носили на своих рамах крупные минометы и непревзойденное термическое оружие того времени – «катюши». И солдаты уже были не те, веселее и бодрее, почти у всех на груди горели, переливаясь золотом ордена и медали. Вот здесь я вторично увидел офицера в звании капитана, у которого грудь была украшена орденами как у Денисова Пети. Эта часть недолго находилась у нас, и в одно морозное утро, погрузившись в железнодорожный состав, уехала на запад, оставив нам хорошее впечатление о себе и Сталинградском побоище из солдатских рассказов, где особую роль сыграла наша артиллерия, состоящая из «катюш», которые во время танковых немецких атак съезжали в кювет передними колесами и расстреливали танки.

Читатель, ты спросишь, что их заставляло съезжать в кювет? Да лишь только затем, что реи со снарядами «катюш» высоко приподняты над кабиной студебеккера, и если стрелять по ближним наземным целям, то снаряды далеко полетят в вышине.

В летние месяцы мать родила сына Илью, и жизнь шла своим чередом, исключая некоторые недостатки в семье, а на фронте наши войска вели упорные наступательные

бои на Курском направлении, против немецко-фашистских оккупантов.

5 августа 1943 года под натиском наших войск были освобождены Орел и Белгород. В честь их освобождения в полночь 5 августа 1943 года, впервые за всю войну, прогремел салют из 124 орудий 12 залпами.

Москва ликовала, ликовал весь советский народ с его городами и селами, находившимися в тылу, а также и в оккупации.

Салют был поразителен, ибо два года подряд над Москвой не отсвечивало зарево, которое обычно бывает от электрического освещения площадей и улиц, а тут сразу тысячи ракет взвились в небо вверх, под гулкие раскаты 124 орудий, салютующих в честь крупного поражения гитлеровских полчищ Советскими победоносными войсками.

Я перескажу рассказ генерал-полковника Журавлева, в то время командовавшего фронтом ПВО.

Как организовался салют в честь взятия Орла и Белгорода.

«Государственный комитет обороны вызвал к себе генерал-полковника Журавлева, где его спросили : «Знаете ли Вы, как производятся салюты по случаю победы?» Этот вопрос поставил генерала в тупик. Он ответил: «Все эти годы, с первого дня войны, ко мне обращались с одним единственным вопросом: готов ли я к отражению воздушного налета на Москву.» Спросили еще: «Есть ли у вас холостые снаряды для батарей?» Он тоже не знал, так как все эти годы батареи пользовались только боевыми снарядами. Одним словом в комитете ему велели все подготовить к салюту. По складам все-таки набрали нужное количество холостых снарядов. А как провести салют?

В военные годы в войсках ПВО служили 20 000 девушек, большей частью бывшие студентки из московских институтов. Журавлев вызвал к себе одну из них, Веру Владимир-

скую из МГУ, где она училась на 3 курсе исторического факультета и спросил ее: «Что вам известно о салютах?» Она ответила: «Да вы знаете, у нас по теме о салютах ничего не было». И какие бывают салюты она тоже не знала.

Тогда она отпросилась у него в Библиотеку Ленина, так как пропуск и карточка у нее были при себе, а, вернувшись оттуда, рассказала, что салюты бывают морские и победные, объяснила, как они проводятся, а в полночь салют извещал, что настал перелом в войне с фашизмом и близится его верная гибель. Сейчас Вера Владимировская вновь в стенах МГУ, но вряд ли кто из нынешних студентов знает, что их преподавательница внесла и свою лепту в эту историю, которую она сейчас читает на кафедре.

(конец 9 главы)

Так вспомним, товарищ,
Как вместе учились в 13 школе
родного села.
(соб.соч.)

ГЛАВА 10

1.

Шла весна 1944 года. Белым цветом, как невесты, идущие под венец, покрылись яблони, вишни, груши в пожарских садах и благоухающая сирень, густо разросшаяся у задумчивых, кое-где покосившихся заборов.

В яркую зелень листвы оделся лес, он, как будто манил нас и звал к себе в свои укромные глухие уголки. Питомник хорошо был виден от нашего дома, и можно было наблюдать, как изо дня в день меняются его краски.

Сплошной зеленью травы, как покрывалом оделись склоны оврага, на его пригорках густо зазеленела трава, настало время разведения костров.

В этом году наш класс в первый раз готовился к выпускным экзаменам. Наша милая и добрая молоденькая учительница Елена Александровна преподавала пройденные уроки и, кому что было не ясно, разбирали их вместе.

Каждый из нас через несколько дней должен был предстать перед экзаменационной комиссией, и мы упорно и настойчиво занимались, переходя от учебника к учебнику. Но какой бы урок не проходил, все-таки кто-нибудь из

нас временами посматривал в раскрытые окна, в которые бил яркий свет весеннего солнца и опалял своими лучами пыльную проселочную дорогу, проходящую перед окнами школы в сторону деревни Пчелки через переезд коксогазовой ветки. По другую сторону дороги стоял забор, за которым красовался огромный сад усадьбы Башканковых. Иногда в класс залетала бабочка, нарушая классную тишину трепыханием по стеклу своими широкими крыльями. На перемене кто-нибудь из нас ее ловил и выпускал на улицу. Я сидел на последнем ряду у окошка за одной партой с Романовой Аллой, отличницей класса. Не знаю, почему учительница посадила меня именно с ней. Если бы я плохо учился? Но уроки я усваивал и отвечал всегда хорошо. Среди учеников в нашем классе учились: (запомни их имена, еще встретятся в моей повести ниже) Хромов Миша, Филиппов Гена, Плешкин Витя и Готовский Борис. Эти ребята жили в наших домах. Ребята с «Пожарки»: Романова Алла, Дордыренко Юлия, Давыдов Женя, и Новиковы Леша и Тоня, жившие в том доме, как я уже писал, у пруда и агрономовой дачи.

С «Пчелки»: Севастьянова Ира, Молоханов, Божьев и Клевцов Николай.

С Донбасской улицы: Силаева Нина, Федотовы Иван и Леня, Анашкины Борис и Тоня, Фонштейн Рува и многие другие. Все наши ученики, я бы сказал, были одинаковые, но особую симпатию я питал к Филиппову Гене и двум девочкам: Романовой Алле и Севастьяновой Ире. Не знаю, почему так, но мне они как-то страшно нравились, и не за то, что были отличницы, а просто как влюбленному мальчишке его сверстницы девчонки.

С Филипповым Геной нас связывала другая дружба. После окончания школы в свободное у меня время летних каникул мы занимались у него в сарае разными, как бы это сказать,

техническими изобретениями. Мы строили всевозможные противовесы, модели кораблей и подводных лодок и других разных игрушечных неудачливых машин. Между своими сараями на расстоянии 30–40 метров протягивали одинарный телефонный провод и к его обоим концам подключали наушники и батареи от карманного фонаря и вели с ним переговоры, по, если правильно назвать эту затею, «полевому телефону».

Романова Аля и Дордыренко Юля жили почти рядом на одной улице, но мне кажется, никогда не дружили, хотя жили в своих домах с одними матерями. Юля наш класс обеспечивала тетрадами, вернее это были какие-то конторские формуляры (бланки) из темной желтой бумаги, разлинованной столбцами с указателями «п/п, «дебет–кредит» и «сумма». И мы за неимением тетрадей в магазине писали на этих невзрачных листках и всегда выполняли домашние и классные уроки. Сама же Юля была самой настоящей ябедой. Язык у нее работал механически, и за это ей всегда доставалось от ребят нашего класса. Но никакие побои на нее не действовали, и она по-прежнему на всех смотрела своими огромными глазами, в которых так много было, извини меня, читатель, наглости.

Романова Аля была не только с хорошим, настойчивым, отходчивым характером, что мне очень нравилось, но и с красивыми карими глазами и римским, прямым, как у святой мадонны, носом. Руки были слишком нежные, и на них, хрупкие, как вся ее фигура, длинные и тонкие, как мы их называли, конторские, пальчики.

В начале учебного 1944 года к нам в класс во время урока вошел мальчик с портфелем, голова его была покрыта черным выующимся волосом, с большими черными прон-

зительными глазами и необычайно острым, с горбинкой, длинным носом. Одет он был в коротенькие, на помочах, штанишки, доходившие ему выше колен из плотной кофейного цвета ткани.

Класс при виде новенького ученика сразу притих, а затем то в одном ряду, то в другом слышались смешки, отпускаемые по адресу новенького, из-за его уж очень комичной одежды и внешности. Это был мальчик-еврей Фонштейн Рува. В начале войны его семья уезжала куда-то на Урал и в 1944 году вернулась обратно.

Я хочу заметить, что он был не какой-нибудь отчужденный еврей, а, как и все мы, и каждому друг и товарищ. Возможно, та бедность, которая вошла в его семью и на три года оставленный ими и разграбленный дом, заставила его мириться с нами, а мы, как бы жалея его, нашли с ним общий язык и всегда принимали в компанию.

Остальные ребята во время учебы еще не очень вошли в мою жизнь, и о дальнейшей их судьбе я расскажу в своих главах по порядку.

2.

Наша учительница Елена Александровна Арбекова жила около церкви за линией, в поповском доме, поэтому ребята других классов между собой называли ее поповской дочкой. Я не знаю точно, может она и была какой родственницей ему, но только не дочкой.

Я знаю лишь то, что она проживала в том доме вдвоем с матерью, ей в ту пору было лет 18–19 от роду, и, я бы сказал, выглядела она неплохо, и многие из нас, учеников-мальчишек, в своем воображении представляли, что достигнув совершеннолетия и зрелого возраста, выберут себе в суженые девушку похожую на нее. Я не знаю, чем я ей нравился, или она видела мою застенчивость, со мной она всегда обходилась хорошо,

даже с заискивающей шуткой. При этом я краснел, прятал от нее свои глаза, и мне казалось, что на меня в эту минуту смотрит весь класс сорока улыбающимися лицами.

В личной жизни Елене Александровне не повезло, ибо каждый человек создан не только для любви, но и для страданий. В одно прекрасное время к нам в класс зашел Левина Шурика родственник, назвавший себя дядей Колей. Это был фронтовой инвалид без одной руки, вернувшийся из госпиталя. Он пришел в класс якобы узнать, как занимается его племянник Шурик, но мне казалось, что его не так интересует Шурик и его учеба, как сама учительница Елена Александровна. А через несколько дней мы уже друг от друга знали, что он ходит к нашей учительнице на дом, а через некоторое время ребята нашего класса уже черпали сведения из записок, писанных ею дяде Коле, которые она передавала с Шуриком, а тот, по-видимому, по глупости или желая блеснуть перед ребятами, не берег тайну взрослых людей, не хранил в секрете содержание этих записок и охотно давал их читать всем и каждому.

Любовь дяди Коле к Елене Александровне продолжалась недолго, и кончилось тем, что она была обманута и покинута, а на память о себе он оставил ей дочь, которую она родила в недалеком будущем, и сейчас ей года 23-24 от роду и не исключена возможность, что она уже замужем, и, может быть, сейчас, как и ее когда-то мать, сидит за столом у классной доски, держит в руках классный журнал и вызывает отвечать урок кого-нибудь из своих учеников, мальчишку или девчонку, не все ли равно? И я знаю, так же как и у каждого человека на этой планете, у нее есть свои радости и невзгоды, свои переживания и избыток счастья, свои девичьи мечты, любовь и чувства, скрытые под непроницаемой оболочкой человека, которые в одно прекрасное время готовы открыться по первому зову невинного, хотя и незаконнорожденного сердца.

Читатель, ты меня извини, что я как-то само собой отвлекся от главной темы. Ведь я обещал писать только о себе и вдруг...

Мои мысли, как бурный поток горной реки, стремящейся своими водами вырваться из крутых берегов, и они плывут и плывут все вдаль, приостанавливаясь на ее изгибах и глубинах, замедляя свой бег, чтобы немного отдохнуть и, собравшись с новыми силами, лечь из под пера на бумагу четкими и ровными буквами, из которых собираются слова. И вот эти слова продолжают рассказ о событиях моего раннего детского возраста двадцатичетырехлетней давности.

3.

В летний период 1944 года Готовский Борис и Плешкин Виктор подружились с учениками Донбасской улицы и вечером ходили к ним гулять. В один из вечеров пошел с ними и я.

Это был старенький двухэтажный оштукатуренный дом, сбоку, рядом, по другую сторону сараев стоял от него небольшой барак и рядом с бараклом – домик на две семьи: Федотовой тети Шуры с сыновьями Иваном и Лешей и меньшей дочерью Валею. В другой половине жил один Мишин Федя, наш ровесник.

Немного в стороне от этих зданий стоял выросший в землю старый деревянный барак невзрачного вида. В этом доме и бараках жили семьи рабочих-железнодорожников, работающих у нас на станции, а также в ее управлении. Вся молодежь вышеуказанных домов, мальчишки и девчонки без исключения, были обходительные между собой и милые. Этот говорило о правильном и хорошем воспитании их в семье. От них никогда нельзя было услышать грубых слов, ругани, обиды и пошлости. Вечера с ними всегда проходили миролюбиво и весело. Собирались обычно у двухэтажного

дома и допоздна проводили время за играми в салочки, пряталки, да разве мало игр было, а когда становилось темно, собирались в тесный круг и начинались рассказы невиданных историй. Каждый старался рассказать что-нибудь свое, интересное, а так как ребят было много и рассказов было много, время за рассказами шло незаметно и мы частенько расходились по домам за полночь.

Дружбы, что называется, с любовью, у нас еще не было. Борис Готовский дружил с Судневой Галей, но это была та дружба, которую можно назвать первоначальной стадией и зародышем любви.

Галя была очень красивой девочкой, и она питала к Борису какое-то доброе уважение, и он отвечал ей взаимностью, но они никогда не прятались где-то по углам, не отделились в сторону.

Вся наша компания, и дружащие и не дружащие, находились всегда в куче, на глазах друг у друга и будто все мы были одинаковые, но во время игры, они как-то старались друг друга вытащить из трудного положения, даже дать себя осалить, чтобы напарница его не водила. Да разве мало случаев? Но домой мы всегда уходили как и приходили вместе, никто из нас не оставался для того, чтобы на пару поговорить со своей девчонкой.

Я лично ни к одной из девчонок не питал тех чувств привязанности (дружбы), за исключением некоторых. Мне очень нравилась Николашина Зоя, это была подвижная, веселая, сверхобщительная девчонка с большими голубыми глазами. Она была года на два постарше меня и занималась на курсах в балетной школе, затем училась на главбуха и дружила с Кульковым Генной, за которого в последующие годы вышла замуж.

Вторая – Зоя Бычкова, нерешительная, но смелая, приходившая из 68-го завода домов вместе со своим соседом Кирилловым Колей, учеником нашего класса, круглым от-

личником и слишком старательным мальчиком. Среди других напарниц выделялась, словно налитое румяное яблоко, «толстушка» и хохотушка, Заикина Лида.

Высокая и худенькая Женя Листьенко с мягким и покладистым характером. Мироненко Оля дружила с Юркиным Иваном. Вот у этой пары дружба со временем превратилась в 100% любовь, что им раньше положенного времени пришлось сыграть свадьбу и они были счастливы. Но и после этого они не забывали нас, и как прежде вечерами были с нами только не долго. Затем Иван купил гармошку и начались танцы, кто не умел танцевать, того учили все. Фокстроты, танго, вальсы, падэспань и другие мелодии звучали в исполнении двухрядной хроматической гармошки. В то время популярным был вальс.

«Ой вы ночи, матросские ночи,
Только море да ветер вокруг...»

Иван Федотов был на два года постарше нас и в эту пору работал плотником в вагонном депо станции. Он был заядлый футболист в деповской футбольной команде и на улице, к тому же шутник, и среди нас был наподобие культмассового работника, затейником и заводилой игр, но в танцах и песнях не участвовал. Лишь только, улыбаясь, наблюдал он со стороны за остальными, как некоторые из нас, не умея еще танцевать, делали неуклюжие движения «па» или, не зная слов новой протяжной лирической или веселой песни, шевелили губами в такт льющейся из-под планок юркинской гармошки мелодии. Гармошку эту Иван Юркин через короткое время сменил на баян и играл на нем как настоящий баянист-профессионал, без нот, дизезов и бемолей, и без скрипичного ключа.

Я слышал эту музыку и часто ее ноту за нотой, лига за лигой, как бы вбирал в себя, втягивал, и у меня появилась мечта вот так же научиться играть, но эти мечтам не пришлось

сбыться. А почему? Наберись терпения, читатель, ведь все идет по порядку. А пока...

В один из декабрьских дней я в первый раз был приглашен в качестве гостя на день рождения к Жене. Это был интересный и веселый вечер, на котором присутствовали лишь только подростки, сидевшие за спаренным столом, хорошо уставленным вкусной закуской с красным вином, и в довершении всего – пышным, огромным пирогом именинницы.

4.

В начале весны 1944 года к нашим домам пригнали пленных власовцев. Они быстро поставили вокруг наполовину разобранного барака забор из колючей проволоки и принялись за отстройку барака себе под жилье.

Их было очень много, поэтому работа продвигалась быстро, а в скором времени задымились трубы над крышей ожившего барака.

Рано утром военнопленных выводили под конвоем из ворот и уводили на работу к коксогазовой ветке, где у дубняка и сосновой рощи был устроен временный склад трофеев немецких боеприпасов и другого гражданского имущества, доставляемого на место разгрузки в железнодорожных вагонах.

Постепенно к зиме 1944 года биографии военнопленных по-видимому уже были проверены Советским командованием, и которых сочли нужным расконвоировали, и они стали считаться вольнонаемными.

Здесь уже мы начали с ними встречаться, лазая через пробитую брешь в заборе и порванную колючую проволоку.

У них в бараке часто демонстрировались кинофильмы (неозвученные), по-видимому не хватало динамика или

другой какой редкостной детали к кинопроектору, и кино всегда проходило под аккомпанемент баяна первоклассного баяниста дяди Гриши, который всегда смог подобрать ту именно мелодию, которая и должна была быть по ходу действия происходящей картины на экране.

Мне в это лето барак запомнился еще вот чем.

Есть в нашей среде такие люди, которые ради своего ненужного бахвальства продадут другого с потрохами. У них язык не может минуты находиться в лежащем положении, лишь бы только что-то говорить, о таких людях обычно говорят «Его хлебом не корми, лишь дай потреться».

В нашем доме по соседству жила чересчур болтливая Паранька, имевшая свою козу с козленком. Ее козленок, также как и наши, находился на привязи. И вот однажды, Паранька ходила перевязывать своего козленка и, видя, что наш запутался в веревке, распутала, и, зная характер моего отца, у которого была тяжелая рука и нелегкий нрав, пришла и наговорила отцу вплоть до того, что лишь только она спасла нашего козленка. Отец, слушая ее, приходил в ярость, а потом бросился на меня, но я смог от него увернуться и бежал, спрятавшись под полом этого барака, где я провел ночь между полом и половой балкой, под себя положив толь.

Я долго не мог заснуть из-за холода, исходявшего от сырости земли и плесенью покрытого дерева, а также скрипящих и гнущихся половиц, то и дело снующих над моей головой под тяжестью солдатских сапог, да раздававшегося по сторонам писка крыс и мышей, не поделивших добычу.

Утром, чуть в щелях показался свет, я проснулся, зуб на зуб не попадал от холода, бока все ломило от жесткого ложа. Согнувшись в три погибели под низким полом, я пробрался к выходу из своего убежища, осмотрелся – на улице в ранний час не было ни души. Я вылез и, прячась за стеной барака, подошел к освещенной солнцем стене

нашего дома, где было тепло, и неплохой наблюдательный пункт за действиями отца.

Отец, как всегда, в 7 часов утра уехал на работу, и я спокойно вернулся домой, где меня ждала мать с печальными глазами, которая, я знаю, тоже не заснула в эту ночь, хотя для этого у нее были все удобства теплой комнаты с матрацем и подушкой и, из клочков материи собранного и сшитого, ватного одеяла. Вечером отец приехал, но у него уже не было намерения расправиться со мной за вчерашнее.

Читатель, ты спросишь, он забывал? Нет, он просто остывал, также быстро, как и распаялся. Он был слишком вспыльчив и притом горяч, а ведь он был хорошим деловым и умным человеком. С ним многие соседи советовались, считались и уважали его, но также, как и мы, не ценили его за выходки, которые он, порой не разобравшись в чем суть дела, чинил в нашей семье.

Склад трофеев просуществовал недолго. Все его имущество со временем куда-то вывезли, а мы, ребяташки, ходили на то место, собирали порох, патроны и всякую всячину, затерявшуюся в ямах, траве и мусоре.

Однажды на опушке леса мы встретили стадо коров, во главе которого стоял пастух нашего возраста – Ленька. Глядя на его лицо, всех объял ужас, так как его левая щека представляла собой живое опаленное мясо. Мы спросили его: «Что с тобой?» И он нам рассказал следующее:

Прогоняя стадо около склада, он набрал пороху и рассовал его по карманам, затем, находясь уже в лесу со стадом, взял узенькую трубочку пороха (это был артиллерийский быстровоспламеняющийся порох), чуть толще спички и похожую на белую ре-

зиновую изоляцию телефонного провода с дырочкой внутри. Когда подожжешь, один его конец и бросишь в воздух, он начинает со свистом и треском носиться во все стороны, как невидимая реактивная соломинка. Да, да! Это как бы реактивный порох, когда один конец его горит, газы, проходя в его узкое отверстие как в сопло, с визгом вырываются наружу и отталкивают легкую по весу порошок, которая носится вокруг тебя, и очень было интересно смотреть на этот не цирковой и очень опасный трюк.

Ленька поджег эту порошок и бросил. И надо же было случиться. Что после нескольких секунд летания в воздухе, она влетела к нему в боковой карман, набитый пластинками осветительного ракетного пороха. Пластинки вспыхнули, моментально сгорели, а у него на память об этом случае остались следы поврежденного кожного покрова груди и лица.

5.

День Победы 9 мая 1945 года застал меня в 5-м классе 13-й школы. В этот день во время урока в класс вошел директор Василий Иванович и объявил об этом радостном событии; нас, учеников тут же выпустили по домам.

Читатель, ты спросишь, что мы чувствовали в эту минуту, узнав о Победе? Да, признаться, ничего, или же от того, что известие было неожиданным, возможно мы кое чего недопонимали, конечно, были радостные возгласы и лица, но в душе какое-то недоверие, и к словам «победа», и ко всему окружающему и происходящему вокруг нас. Мы вышли из школы и, проходя улицами поселка, отовсюду слышали женский плач, и видны были слезы – слезы горя, радости и счастья, слитые вместе. Одни проливали слезы по мужу и отцу, который уже не вернется с победой домой, другие, предвидевшие скорую встречу с кем-либо из своих родственников, плакал от счастья. И вот здесь было такое настроение и ра-

достное, и, вместе с тем, тревожное, при мысли, как бы не помешать своей радостью и не омрачить еще хуже жизнь тех людей, которым были присланы извещения о гибели близкого сердцу человека во время войны, или в ее конце.

Вечером, как и раньше, при взятии нашими войсками какого-нибудь крупного города в стороне элеватора вспыхнули тысячи разноцветных ракет, осветивших горизонт и небо Москвы. Сильнее чем всегда и торжественнее грохнули орудия и прогремел салют уже не из 124-х орудий 12-ю залпами, а 30-ю залпами из 1000 орудий, известивший о победе над фашистской Германией. И в каждом залпе доносившегося эха со стороны Москвы будто слышалось: «Мы победили! Да! Мы победили!»

А ракеты, радуя душу, вспыхивали с новой силой победного салюта, который мы наблюдали из окошка своего дома, перед которым пролегалo еще не вскопанное после зимы поле огородов. Вдалеке, упирающиеся ввысь башни элеватора, ежеминутно освещались не зажигательными бомбами, как во время войны, а мирным фейерверком ракет, которые взлетали в вечернее время и, до сих пор, от праздника к празднику, извещающие и напоминающие о героическом сражении в годы Великой Отечественной войны русского народа в тылу и на фронте.

Конец 10 главы.

Окончились школьные годы,
Пришла рабочая пора
Сменил портфель
На фартук белый, и
Ключ 12 X 7 для болта.
(соб.соч.)

ГЛАВА 11

1.

В конце 1944 года в моей личной жизни произошли внезапные изменения.

Проучившись три месяца в школе и плохо усваивая немецкий язык, из-за него появилась какая-то временная апатия, я не взлюбил все учебники, за исключением истории, географии и зоологии, любимых мной предметов.

Вдобавок тому, семья нуждалась в материальной помощи, ибо по-прежнему работал один отец. Алексей еще в 1944 году добровольно ушел служить в Морфлот и на подводной лодке бороздил воды Балтийского моря. Маруся, как я уже говорил, находилась в Тульской области. И я, чтобы помочь семье, оставил школьную скамью и пошел устраиваться на работу. Меня всю жизнь влекло к станкам и машинам, ибо всю свою недолгую жизнь я любовался техникой. Сам мастерил, конечно, чаще из этого мастерства ничего не получалось, но приходилось все-таки что-то лепить и делать за неимением других игрушек, которыми меня родители не баловали. Исключением были глиняный свисток да набитый опилками бумажный мяч на резинке, которые иногда покупала мать у тряпичника за порожние

бутылки. Для меня было огромным счастьем, когда в мои руки попадали сломанные часы-ходики, из которых я вытаскивал механизм и что-то из его шестеренок творил по своему замыслу.

В отделе кадров завода я получал отказ за отказом, ввиду того, что мне в ту пору еще не было четырнадцати лет.

Мать настаивала определить меня учеником сапожника, но если бы кто знал тогда, как мне не хотелось токарный станок менять на сапожное шило. Вопреки моему желанию, обстоятельства сложились так, что я оформился в артель по ремонту обуви Кировского района города Москвы, в большую по тому времени мастерскую на Зацепе, дом 5. Мастеров в ней было около 5 человек, вдобавок, в отгороженном помещении стояли обувные машины, которые обслуживала одна 17-летняя молоденькая девчонка Зина, и я ей в ту пору просто завидовал! Так как в настоящее время завидую настоящим космонавтам.

Просидев три дня через верстак от мастера, у которого учился, нас, молодежь, по указанию райисполкома направили на работу по закапыванию газопровода на улице Осипенко под Устинским мостом.

Отработав там неделю, мы вернулись в мастерскую, и нас здесь же направили во вновь открывшуюся школу обувщиков на Дербеневской набережной у ситценабивной фабрики. Это была самая обыкновенная, еще более невзрачная и грязная мастерская, во главе ее стоял Иван Иванович по прозвищу Курский и старший мастер-золотые руки, бывший фронтовик Николай Степанович Солдатов, хорошо знавший обувное дело. Нас, учеников, сидело человек 20, изо дня в день, месяц за месяцем усваивая все лучше и лучше свою профессию от стежка, сделанного хорошо проваренной варом ниткой на мягком голенище сапога, до вбивания деревянных шпилек в жесткую чепраковую подошву. Вместе с тем в мастерской два раза в неделю после ра-

боты для любителей музыки работали курсы игры на баяне, и многие из нас, в том числе и я, отложив в сторону ножи и шилья, учили ноты, постепенно усваивая музыкальную хитрую азбуку.

Ребята, учившиеся вместе со мной, все были такого же возраста, за исключением одного инвалида, и почти все мы ездили из провинции: из Востряково, Барыбино, Домодедово. До вокзала ходили пешком по шпалам железнодорожных путей и одинокой ветке, пролегающей между

домов к ситценабивной фабрике. Поезда ходили очень редко, иногда с опозданием на несколько часов. Пассажиров в вокзал не пускали, и приходилось мерзнуть на платформе в ожидании, когда подадут состав.

В одно из таких мучительных ожиданий, когда наконец-то был подан состав (время было 10 часов вечера, мы ехали со второй смены), и мы, промерзшие и голодные, с трудом пробились в битком набитый людьми вагон. Востряковские ребята, как обычно, так как ехать им приходилось далеко, сразу же осадили одни единственные багажные полочки вагона, а я, как всегда, оставался внизу, стиснутый со всех сторон телами таких же пассажиров-работяг как и я сам, и барышников-хапуг с Петровского рынка.

Пассажиры возмущались плохой работой транспорта и ругали начальников Павелецкой железной дороги вплоть до министра. Внутри вагона от спертого воздуха и тесноты кружилась голова, слегка тошнило. Когда же поезд тронулся с места, на душе стало свободнее и легче, так как люди успокоились, каждый пассажир нашел себе какую-то опору для облегчения ног, кое-где раздавались разговоры под

гулкое кляцание колес на стыках рельс, и очередной стык с каждым метрами увеличивал расстояние от вокзала и приближал к дому.

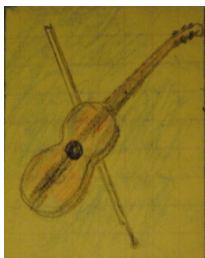
Поезд все увеличивал скорость за заиндеветыми окнами вагона мелькали заборы и освещенные светом окна жилых домов и заводов; мы подъезжали к Речному вокзалу (в то время поезд остановок не делал). Вдалеке справа вырисовывались контуры стен карандашной фабрики имени Красина, и слева – шерстопрядильной имени Фрунзе, простиралась гранитная набережная замерзшей Москвы-реки, сплошь покрытой льдом. В вагоне установилась тишина, некоторые вели между собой беседу. Многие, утомленные за день работой, склонив голову набок, одни стоя, другие – сидя на лавочке, спали. Кое-кто еще боролся со сном и не хотел ему уступать, попеременно открывал сами собой закрывающиеся глаза, по-чуждому как-то подымал тяжелые веки, нависшие веки, крутил головой во все стороны с открыты зевающим ртом, как будто бы этим хотел показать, что он хочет спать, но дом был еще далеко.

В противоположных дверях вагона спокойствие толпы кто-то нарушил, заметно стало движение, и вдруг, как снег на голову, вагон наполнился звуками, вырывающимися из-под смычка заскрипевшей скрипки, которую умело держал в руках небольшой худощавый пожилой мужчина в потрепанной одежонке и еле державшейся на голове шапчонке не по размеру. Он с усердием выводил смычком какую-то рапсодию или сюиту, я до сих пор не знаю, но дело не в этом. Говорят, что кто не любит музыку, тот не понимает жизнь и не может любить природу.

Читатель, я не знаю как ты? Но с моей точки зрения это не так, ибо классическая музыка хороша только для озвучивания кинокартин и других банальных сцен в театре, но не в других случаях.

Нет! Я люблю и уважаю музыку, исполняемую оркестром, на баяне, аккордеоном. Это и русские песни и венские вальсы, украинский гопак и оперу Бизе «Кармен», венгерский чардаш, полонез Огинского, но музыка, лившаяся из-под смычка скрипки, наводила скорбь и печаль и так действовала на нервы людей, что после нескольких непродолжительных минут игры пассажиры не выдержали и обрушились на скрипача с криком и руганью за его нудную и никому ненужную музыку. Скрипач смолк. А через минуту из-под смычка мелодия некрасовской «Коробочки» (Коробейники), которая сразу изменила настроение людей, появились расплывшиеся в широкой улыбке лица и на душе каждого стало веселей и приятней.

2.

Зимние месяцы 1946 года проходили своим чередом. За этот промежуток времени, когда я устроился на работу, в нашей семье прибавилась девочка Нина, а из квартиры выехала семья Чеботаревых в свой собственный купленный дом. Связь с Виктором прекратилась.

В ихнюю комнату вселился Рыбин Алексей с женой Ольгой и маленькими еще детьми Вовой и Ирой.

Не остались в покое и мы, вернулся с фронта демобилизованный солдат Сухарев, отец моего приятеля Ивана, до войны проживавший в нашей комнате. Он отстаивал свою часть жилплощади. Наш отец не стал особенно возражать, так как мебели у нас никакой не было кроме стола, стульев да несколько коек, и мы перегородив комнату, себе взяв большую, прорубили новую дверь. От Сухарева мы узнали, что сын его Иван погиб во время эвакуации от налета немецкой авиации на железнодорожный вокзал или состав,

сейчас не помню, и с этого дня для меня не стало существовать Ивана, давнего и хорошего друга детства и классного товарища по поездке на выставку.

Сухарев не остался жить в отведенной ему комнате и быстро, так как был одинок, нашел себе жилье ближе к заводу, в Коломенском, а в эту комнату заселился Иван Гаврилович Макшанцев, и в дальнейшем она служила как пересылочный пункт, где семьи жили год-два, а потом добивались ордера в домоуправлении и переезжали в более удобные комнаты.

В соседнюю с нами квартиру вселилась семья Наятовых, выехавшая в начале войны в Саратовскую область.

Семья их состояла из 4-х человек: матери Александры Михайловны, старшего сына Евгения и младших детей – Виктора и Лиды. Отец их был еще в армии. В это же время в комнату под нами заселили вернувшуюся из эвакуации семью Колкиных с матерью Анной Дмитриевной, старшими дочерью Паней и сыном Иваном, и младшими – Машей и Нюрой. Отец их также находился в армии. Да разве сейчас можно вспомнить сколько семей и старых и новых вернулось в наши дома. С некоторыми из них была связана моя жизнь. Это нас связала между собой детская дружба, как и наших матерей, а также в последствие после возвращения из армии их отцов – с моим. Иван Колкин и Женя Наятов стали для меня новыми товарищами после Виктора. Отец Колкиных Николай Яковлевич был общительный и веселый человек. Он всегда мог найти общий язык с людьми своего и преклонного возраста, не говоря уже о нас, детях, за что его все от мала до велика уважали. Мать Анна Дмитриевна была далеко не ровня ему, слишком тихая и спокойная, и больше молчала, чем разговаривала, но уважительная.

Мы, молодежь, после трудового рабочего дня (Иван – в первой образцовой типографии им. Жданова, Женька – на

ситценабивной фабрике, а я в сапожной мастерской) зимними долгими вечерами собирались и коротали время обычно у Колкиных. Николай Яковлевич любил и мог рассказать какую-нибудь переживательную, занятную и веселую историю, не только о фронте, где он был в звании старшего лейтенанта, но и о годах нахождения в немецком плену, откуда он трижды бежал и его трижды ловили, и последний раз у него на груди выкололи шестизначный номер, не помню какой, на сожжение его в крематории. Но ему и остальным пленным, находившимся в этом лагере посчастливилось, так как вовремя подоспели части Красной Армии и принесли им с собой освобождение.

У Колкиных мы время проводили не только за рассказами, но и вместе с ихним отцом играли большей частью в лото, домино, перебрасывались картишками в подкидного и иногда так наиграешься, что на утро от своей матери получал выговор, за то, что среди ночи во сне выкрикивал номера лото 37, 69 и прочие другие. Мне было не удобно пред матерью, и я ставил перед собой задачу как можно реже спускаться вниз, но зимние вечера продолжительны, и я каждый раз продолжал ходить, пока не наступала весна.

Весной работы прибавилось, в ход пошли заржавевшие за зиму лопаты и грабли. Огородная земля метр за метром подавалась вскопанной полосой. И однажды, когда мы с матерью копали огород вблизи дома, из-за его угла показалась ватага наших ребят. Они отозвали меня в сторону и стали просить у меня для гранаты запал (капсюль).

Сейчас уже не секрет, что в то время у каждого пацана что-то да имелось из врывающего вещества.

Ребята знали, что у меня есть три запала, а у них была граната, и они решили ее взорвать, но граната без запала не взрывается, поэтому они пришли ко мне. Я увидел у Женьки Нятова в руках противотанковую гранату РГД, отказал-

ся дать им, ввиду того, что запалы у меня были от противотанковой гранаты, которые сильнее первых и не влезают полностью на сантиметр в корпус РГД.

Я направился к матери, тогда же они обступили плотной стеной и начали со слезами на глазах просить дать им, другие стали даже грозить. Ну, ты, читатель, представь себе, в каком я оказался положении. И в этот раз, глядя на их просящие лица, которые говорили, что из-за какого-то стержня потеряешь дружбу, и здесь я смалодушничал. Я вытащил из своего, ведомого только мне одному, укромного местечка запал и отдал им, а сам пошел к матери и взялся с расстроенной душой за лопату. Через несколько минут показались ребята. Женька шел впереди всех. Не доходя до нас с матерью несколько метров, ребята приотстали и остановились, а Женька, пройдя мимо нас к прожекторной яме (окопу), находящейся в 30 метрах от нас, остановился лицом к яме и стал вставлять в гранату запал.

Нам не было видно, что он делал, но я догадался, и эти недолгие минуты прошли для меня в тревоге и ожидании: «Что же будет?»

Женька вставил запал, выпрямился, телогрейка его была растягнута и колыхалась на ветру. Он сделал как и положено взмах рукой с зажатой в ней гранатой и бросил... буквально в эту же секунду через один метр от вытянутой руки, он не успел ее еще убрать, вспыхнуло красное пламя и грохнул взрыв, разрезавший воздух. Женька покачнулся, потом как-то быстро схватил правую полу фуфайки, как бы накинул ее на голову и упал на землю грудью вперед. Когда немного прошло оцепенение, моя мать подняла крик, ребята, стоявшие поодаль от нас бросились бежать врассыпную. В это время к Женьке напрямую по огородам бежала

его тетка Паранька. Я растерялся, не знал, что делать – бежать к Женьке или наоборот, все-таки в случившемся и я виноват. Но я собрался с мыслями и решил, что мой путь лежал к Женьке. Когда я подбежал, он лежал недвижимо с раздробленной кистью и лицом в крови, время от времени открывая глаза. Мы его с остальными жильцами перетащили к нему в комнату, положили на пол, немного полежав, он пришел в себя и, когда я с ним остался один, я просил его, чтобы он не выдавал меня, ибо я из-за этого запала и его ранения был перепуган как загнанный заяц.

Он обещал мне, и я немного успокоившись, ушел от него, а через некоторое время пришла машина и увезла его в больницу.

Когда я вышел на улицу, на меня посыпались слова упреков и сожаления от ребят, которые уже не грозились, а лишь только жалели Женьку и ругали меня одного за то, что я им дал. Но, что было сделать, ведь такая пословица есть: «99 раз сделай для человека хорошо, а сотый плохо, и он скажет, что ты нехороший и плохой человек и останется недоволен». Так случилось и здесь.

Но хорошо, что граната была без осколочной рубашки. Женька отлежал в больнице месяца полтора и вернулся с небольшим шрамом на щеке и без указательного пальца на правой руке, и это ему не мешало играть на семиструнной, хорошо разрисованной костяшками и звонкой гитаре, выпущенной музыкальной ленинградской фабрикой им. Луначарского. Ну, а о дальнейшей его судьбе и судьбе других тебе знакомых, я расскажу в своей повести ниже.

В этом же году, как и многие другие фронтовики, вернулись из армии Бухтеяровы, братья моей матери, Тихон Андревич и Федор Андреевич.

Тихон Андревич здесь же женился на своей девушке Артюховой Нине, дружившей с ним еще до войны. Тесть и

теща перегородили молодым свою комнату пополам, и в одной из них поселились молодые и мать Ольга Евдокимовна.

Федор Андреевич стал жить со своей прежней женой, Марьей Филипповной, и дочерью Верой в общежитии второго барака плодовоовощной базы «Бадаево». Афанасий Андреевич с фронта не вернулся, и тщетны были все ожидания Ольги Евдокимовны, которая считала его долгое время без вести пропавшим.

3.

В середине лета, нас, уже мастеров, распределили по обувным мастерским района. Я на комиссии заявил, что у меня есть желание научиться работать на обувных машинах. Мою просьбу удовлетворили, направив в хорошую мастерскую в одном здании с правлением, по Жуковскому проезду, дом 51.

В мастерской работало восемь мастеров сапожников и женщина по окраске верха обуви, Бузина Екатерина Павловна. Среди мастеров были специалисты по резиновой обуви, это Александр Тарасов и татарчонок Мухаммед Багиров, обувщики Гладышев Николай, Усов Николай и Соловьев Василий. Ребята из артельской футбольной команды, в которую впоследствии влился и я. Работал здесь двоюродный брат Севастьяновой Иры, как звать его не помню, лишь только его кличку – «Колобок». Заведовала мастерской Александра Петровна Баранова и старший мастер, всегда отзывчивый и опрятный Владимир Иванович Молчанов.

Цех был оборудован машинами «степель», «прошивная», 34 кл., «фрезер» и «отделочный станок» по отделке урезов низа обуви, а также водяными прессами, клеящими низ обуви непревзойденным «гуттаперчевым» клеем, *даже не располагающим им мастерскими в настоящее время.* Всеми этими машинами управлял Дроздов Анатолий, уже к

этому времени заканчивающий без отрыва от производства курсы шоферов и в скором времени он должен был рассчитаться.

Я учился недолго, уже через неделю, хотя и неуверенно, я стал шить, бить, клеить, а через две недели мой учитель

почти и не касался машин – я справлялся один, да и работы было немного. Но проблема состояла не в том, чтобы только работать на машине, но в случае поломки самому сделать ремонт. Для этого в артели были механики во главе с Котовым Дмитрием; но артель тогда насчитывала примерно двадцать мастерских и 6 из них с крупным машинным отделением, как например, на Зацепе мастерская № 1, на Осипенко – мастерская № 4 и на Калужской площади – № 12, поэтому по телефону механика трудно было разыскать, а если уж разыскал, то при его работе с одной из моих машин, я присматривался к ремонту, где нужно – помогал и что не понятно – спрашивал. Он разъяснял, и со временем как-то само собой вошло в привычку обходиться без механика, за исключением неимения нужной детали под руками вместо износившейся старой или более крупного ремонта. Впоследствии начальство, учитывая мое усердие и внимание к машинам, назначило меня на курсы механиков. Но... произошла одна загвоздка, лишившая меня этих курсов. Причиной тому было слияние двух артелей в одну, во главе ее был поставлен председатель Москворецкой артели Скочков, а наш Белов – смещен.

Новая метла, как говорят, по-новому метет., так и у нас в мастерской произошли кое-какие изменения, но меня они не

коснулись, по-прежнему одетый в солдатские галифе с гимнастеркой, в фуражке с большим погнутым козырьком, и обутый в американские ботсы 43 размера из красной кожи на толстой подошве и с загнутыми носами, полученные отцом как спецовка, ездил на работу и с работы в переполненных народом вагонах. В летнее время устраивался на буферах и подножках, и подъезжая к

Жуковскому посту. Чтобы не идти обратно лишний километр пешком, прыгал с подножки на ходу поезда. Это вошло в привычку еще со времени обучения на Дербеневской улице, когда один перед другим мы показывали свое героичество. Некоторые боялись, но чтобы не отстать ото всех и не слышать насмешек – прыгали, в их числе был и я. Это продолжалось до сих пор, я уже ездил один на Дубининискую и никто меня не подгонял, но привычка есть привычка. И вот, однажды зимой, я приготовился к прыжку и держась одной рукой за поручень, правую ногу согнул в колене и, держа ее на подножке, левую опустил вниз, вытянул вперед... В это время правая нога соскользнула с подножки вперед, и я не знаю, как я мог в этот момент разжать кисть правой руки, сжимавшую поручень. Отпустив поручень, я полетел вниз, ударился о землю спиной, а придя в себя, первым делом, не вставая на ноги ощупал ноги, руки, только здесь поверил сам себе, что я жив и невредим. Спасло меня то, что я вовремя освободился от поручня, если бы этого не произошло, значит, я повис бы и последовала бы неминуемая трагедия, после которой не писались бы эти строки. Это случай стал мне хорошим уроком на будущее.

В эти годы, работая в мастерской, я не был отстранен от домашних работ. По-прежнему, приехав с работы, брал огородный инструмент и выходил на участок, их становилось все меньше, так как на отживших участках строились дома, протаривались дороги, да и жадность у отца была уже не та. В выходные дни по понедельникам я ездил на тренировку и состязание в футбол, так как состоял в артельной команде «Спартак». Мы состязались со своими однокашниками из других районных артелей и фабрик города Москвы на Ширяевом поле в Сокольниках и на других стадионах. Занимался я футболом и дома вместе со своими ребятами. Бывали дни состязаний в футбол с ребятами с базы Пожарки и с солдатской командой с радиостанции, и частенько они имели от нас поражение, несмотря на то что они все были одеты в спортивную форму и новенькие бутсы.

4.

В моей жизни произошли новые изменения. Уже в начале 1947 года я не ходил за углем на станцию, потому что с лета были выписаны на заводе дрова и уголь, привезены и сложены в сарай. Магазины также отошли матери, а в начале 1947 года была отменена карточная система и введены новые деньги. После чего значительно лучше стало с продуктами питания.

Помню на второй день после указа вышел я на обед в магазин, стоявший через дорогу от мастерской на улице Щипок. Войдя внутрь магазина, я увидел, что у прилавков народу никого не было, зато они ломились от караваев белого и черного хлеба вместе с баранками и сдобными плюшками. Но на свои деньги я не смог купить ничего – в кассу требовались новые деньги выпуска 1947 года, а у меня их еще не было в кармане. Да! Очень было обидно. И в то же время радостно, что наконец-то появился вольный

хлеб. 1947 год сделал большой поворот и принес изменения в жизни людей и лично моей, и я подумал: «Не вчера ли я обивал пороги пустых магазинов в поисках хлеба, и не вчера ли я урюмо тащился к одиноко стоящей царицынской палатке, чтобы получить незавидные граммы крупы или сахара». Переходя с этими думами улицу, я чувствовал хороший мороз, обжигающий уши и щеки, щиплющий нос, здесь я вспомнил, потирая уши, что это было время масленицы – праздника белоснежной зимы и мороза. Мне шел 17-й год, и я, переступая порог мастерской, сказал сам себе, и тебе говорю, мой юный читатель: «Прощай, мое детство! Да здравствует юность!»...

Конец первой части

ВЫВОД И ПОЯСНЕНИЕ

Читатель, я надеюсь, до тебя правильно дошел замысел моей повести.

Я познакомил тебя со своей родней и далекой деревней, затем с дорогой в Москву, где я по-настоящему пустил корни, которые глубоко врезались в московскую землю. Но вместе с этим, жизненная атмосфера, меняющаяся из года в год и месяца в месяца, влияла на кроны и зелень этих корней, и жизнь их была не постоянно здоровой.

Солнце ласково грело и давало свой свет, обогащая листья азотом, дождик заботливо обмывал кроны и поил эти корни. Но вдруг подымалась гроза, налетала буря и тысячи молний сверкали в небе. Буря и ветер гнули до земли это деревцо, ломая ветви, срывая листья, и хотели вырвать его с корнем, но корни крепко держались за рыжую землю, и деревцо продолжало стоять и выстояло, но как?

Жизнь моя, собственно говоря, началась в суровые годы. С 8 лет я стал пастухом хотя и небольшого стада. С 10 лет я стал общественным семейным тружеником. Я видел голод, нищету и нужду, я видел пьянство, хулиганство, воровство. Есть такая пословица: «С кем поведешься, от того и наберешься», но если бы я воспринял хоть одну десятую того, с чем встречался в те годы!

Голод и нужда не сделали из меня разболтанного, похабного и наглого человека, как из некоторых моих сверстников.

Я вырос в тяжелые и суровые годы, видел горе, голод, нужду не только своей семьи, но и других людей. Может, именно поэтому рано научился не выделять себя среди других, как что-то единственное.

Мать и бабка приучали меня к честности. Они радушно принимали в своем доме соседей и скитающихся жен-

щин, усиленно, как могли, помогали им. Это в какой-то мере заложило частичку доброго отношения к людям и во мне. Наша семья жила не в достатке. Я рано узнал труд и слово «нельзя», так, наверно, во мне прояснилось то, что называется памятью рассудка. Я долго воспринимал жизнь сердцем и чувством, но у жизни свои законы, и она меня не баловала и лишала всего того, что имели все мои сверстники. Мое детское счастье было как пугливый огонек, чем настойчивей я гонялся за ним, тем резвее оно убегало от меня. И жизнь выглядела для меня бессмысленной и пустой, так же как выглядят бегущие муравьи перед глазами пятилетнего ребенка.

На этом я заканчиваю первую часть своей сокращенной повести, в которой рассказал очень мало из событий прошедших шестнадцати лет детства. Описанные в ней эпизоды это только незначительная часть тех случаев и происшествий, случившихся со мной и другими людьми.

Можно было бы рассказывать много о себе, но в жизни хорошего мало, а о плохом зачем писать? Жалости к себе я не хочу искать и вводить тебя в заблуждение мой юный читатель, лучше предлагаю тебе прочесть на оставшихся листах стихи Есенина.

Исидор.

Серг. Веселен

Продлите дни,
Своей белой пряже,
Живой души не пережить в век.
Нельзя!
Никогда с собой я не положу,
Себе любимому
Душой я человек.

Лозу глечей, а книга выдает.
Яркий зевота,
Жен и клонит все....
А за окном
Пролетевший ветер рыдает,
Как будто дуть
Видится похорон.

Облезлой плен
Своей веревкой дерной.
Тусавий дерит
В небо обнимает
Никой он плен?
Он просит оленя позорный —
На нем бы вешать
Где увидать на сном.
И первого
меня повесить нужно
Скрестив мне руки за стеной
За то, что песней,
Хрипкой и недружной,
Меня я ставлю
Стирание родной.

И не люблю
распевать пейзажи

и говорю,
Дитя если был бы всею,
Но всею бы неужем
Я выдран попероха,
Дитя бы они
Носили не носили.
Но я забыл,
Дитя сам я неужем
Ораи во всею
Перед расветом краи,
Отчужденные заветы помираю,
Возникнув сердцем и ежихом,
Визжий метель,
Как будто бы кабан,
Которого зарезать собирали,
Желодный
Ледяной туман -
Не разберешь,
где даль,
где близб.....
Луну, наверное,
Собаки съели
Сей давно
На небе не видать.
Водерживал нитку из худели,
С верейеною
ведет беседу пайт.
Оглозский кой
Внимает той беседе
С печенки свесив
Важную главу,
Недаром говорит
Пугливые соседи,
Дитя он похож
На дерзкую сову.

Глаза смежающей
И как я их прищурю,
Что вижу вальс
Из сказочной пары:
Бой лопой яне
Показывает дулю,
А ясный как вездьме
С киевской гары.

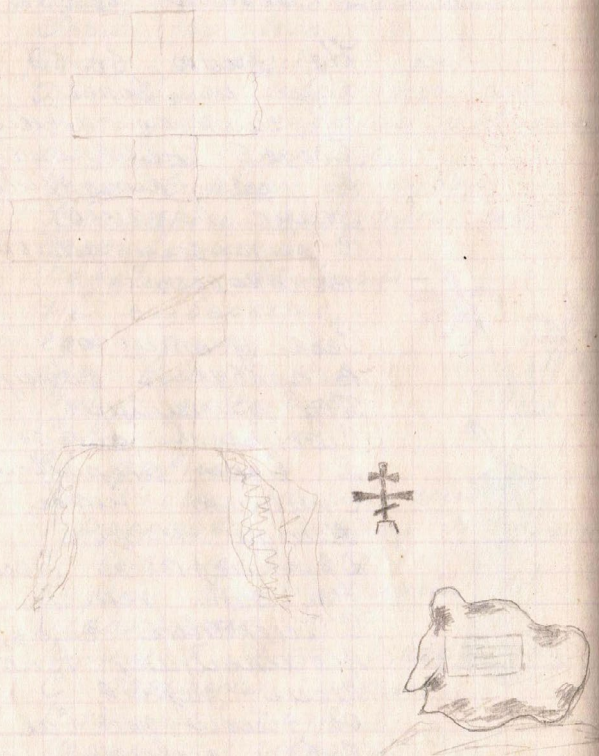
Не знаю, болен я
Или не болен.
Но точно ясны
Бродяги не впад
В ушах аогильней
Смук лопайе
С риданьем давших
Копокорен.

Себя усоншего,
В гробу я вижу
Под олимпийске
Сметанной дырка.
2 века атеривому себе
Спущено ките,
Кладя на них
Два медных пашака.
На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильнику теплее станет,
Мне зарыт,
Он мой же дае
Себя сивухой обжаривает.

И скажешь громко;
"Вой сюда!"

Он в жизни
Будничковал немало....
Но одолеть не мог ни как
Являя сдержанность
Из «Капитала».

Серг. Есенин

Не сказанное,
Сильнее, нежнее
Никогда край
После бурь, после гроз
И душе моя,
Волне безбрежной,
Долгий запах
Меся и роз.

Я ушел
Тогда сделал дело,
Но много было
Благо прощю не кланю,
Словно шайка
Конец оготелая
Проклятия
Во всю страну.

Нопылами кругом,
Накормили,
И пропали под
дымковской свечей
А теперь вой
В лесной обители,
Ваше слышно
Как падает лист.

Соловьиный ли?
Дальнее это ли?
Все спокойно
Вливает грудь,
Силой души
Мы с любовью прошли
Через бурный
полюсский путь.

Разберемся во всем
Что видели,
Что слышали,
Что слышали ветераны,
И прощали,
Где нас горько обидели.
Но душой
И по нашей вине.

Но ведь дуб
Молодой не разжигуешь,
Взрослый же сгорает,
Как в поле трава.
Эх ты молодой,
Вульгарный молодой
Золотая
Сорви голова.

Серг. Есенин

Я по первому
Снегу бреду,
В сердце мандарины
вспыхнувших см.
Всего сильнее
Свежей звезду,
Над дорогой
Моей зажегши

Я не знаю,
Но свет или мрак?
В дождь всегда
Восей, или пошук?
Может, вместе
Зиме на полях
Это лебеди
Если не пуг.

Хороша ты,
О белая гладь!
Твоей крови
Моего легкого порез!
Насквозь иголкой
К телу прижмись
Обнаженные
Груды берез.

О лесная,
Временная лунь!
О всевозможных
всеземных нив!
Насквозь иголкой
Руки сложившие
Над древесными
Бедрами тв. Коней

Письмо к матери.

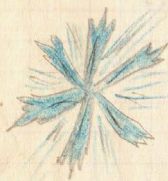
С. Весны

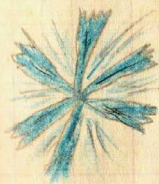
Ты жива,
Еще моя старушка?
Жив и я
привет тебе привет!
Будет сироты
Над твоим избушкой,
Ах бы вечерний
Неказанный свет.

Кинути мне
Дать ли мал тревогу,
Загрустила
Голова обо мне.
Дать ли тебе билет
Ходить на дорогу,
В старомодной
Всехом шубе.

И тебе в вечернем
Синем плаще,
Билет выдать
Одно и тоже.
Будто кто-то
Личе в кабацкой драке,
Согатил под сердце
Зеленый лом.

Никого родная!
Успокойся.
Это только
Пьянская бредь,
Нейманой чужь
Горький и пропойца.

Синь твою
не вода утешит.

И по престолам
такой-же нежный,
И медленю
только лишь о том
Синь скорее
Они твои дивной
Возвращайтесь
В низинный наш дом.

И вернусь,
Когда расцветет весна,
Во-весеннему
Наш белый сад
Только ты
Меня уже на рассвете
Не буди
Как весна нею назад.

Не буди много
Синь отпугиваешь,
Не воюй много
Синь не обманешь.
Смешной ранней
Утрай и усталость,
Испытайся мне
В жизни привнес.

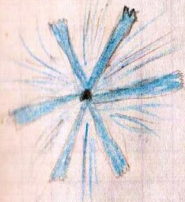
И помню
Не зли меня. Не надо!
И старому
Возвращаюсь больше нею,
Ты одна мне
Помощь и отрада,

На одна мне
Несказанной свет.

Так забудь же
Твою свою тревогу,
Не грусти так
милко обо мне.
Не ходи так
само на дарогу,
В старомодном
веськом тулуне.

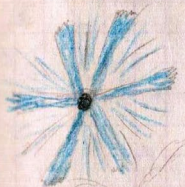
Серг. Есенин.

Не жаалею,
Не зову, не плачу.
Все пройдет
Как с яблоков
Ветхий дым.
Увяданье,
Золотом охваченный
Я не буду
Больше молодеть.

Ах теперь
Не так уже будешь бить,
Сердце тронутое холодком,
И слышна
Березового ситча,
Не заманит
Швейцарской босиком.

Дух бродячий!
Ты все режешь-режешь,
Разсвелеваешь
Плещишь губ,
Омоч!
Угасающая свечка,
Вьющего глаз
И половецкие гудки.

А теперь
Скупее стали желания
Жизнь моя,
Что ты приснилась мне
Будто я весенней
Грибной ранкой,

Грозилась
на розовом коне.

Все мы, все мы
в этом мире шлени,
Тихо пьются
с клеков листьев медь.
Будь же, ты
Вовек благословенно,
Дню пришло
Провесить и умереть

Серг. Есенин.

Ой-говорики
Поша зонсёная
Березовым,
Веселым языком,
И журавли.
Нежно пропёная,
Уж не жалостой
Больше ни оком.

Ного жалостей
Ведь каждый в мире
Сиротник,
А робей, зидей
И вновь оставей дом.
О всех чуждиных
Трезий коноплянник,
С широким месцем
Над голубым прудом.

Силою один
Среди равнины голубой,
В журавлей ойносей
Ветер вдав.
Я пою дум
О юности веселой,
Но ничего в
В прощедной
Мне не жал.

Не жаль мне пей
Розогонных копрасно,
Не жаль дум
Сиреневую цвет.
В саду горий
Носит рублия красной,

Но никого
не можешь он согреть.

Не обгорай
Рядиновым нисби,
Ой желтизна
Не пропадей трава.
Как дерево
Роняет тихо листья,
Как я роню
Труетные слова.

И семи времь
Труетную резнистая,
Серебей их все
В один ненужный ком
Скатывают так.....
Дню роня золотая
Ойповарина
Нилем языком.

Серг. Есенин.

Стгий новикъ
Равнина дорогая,
И свинцовой
Светлесты покечъ.
Никакая родина сругая,
Не Волгой мне
В грудь мою теплынь.

Знаешь у всех
Такая уны уясненъ,
И пожалуй
Всего спроси.
Радугев, свиретевъ
и мугавъ,
Хорошо живется
на Руси.

Свей ауны
Печенегенный и длинный,
Красный вербъ,
Шотый тополя.
Но никакъ
под окрикъ управленый,
Не разлюбилъ
Ойскъ моря.

И теперь когда
Вой новикъ светломъ,
И мои конулавъ
Извиль судьбы.
Всеравно ослепленъ
и подтомъ,
Золотой
Бревенчатой издбъ.

Институт этнологии и антропологии РАН

И.А. Крыцин

ОКРАИНЫ МОСКВЫ

Компьютерная верстка Н.А. Белова
Художественное оформление Н.А. Белова

Подписано к печати 13.12.2015
Формат 70×108/16. Усл. печ. 6,4
Тираж 500 экз. Заказ № 77
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А